

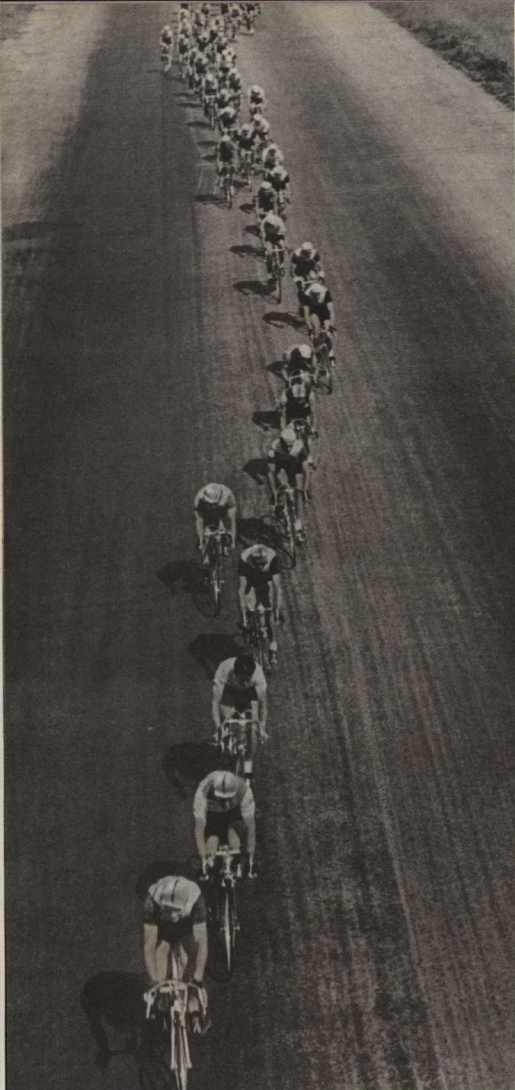


СМЕНА

12

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



СПОРТИВНОЕ

ЛЕТО

Лето.

Это — с разбегу прыжок
В заревую прохладу реки.
Это — хлопнувший старта флажок,
Бесконечных дистанций круги.

Это — повисит тугого мяча
И летящие вдалеку паруса.
Это — выгрыши. Это — ничья.
Это — смеющиеся глаза.

Здравствуй, лето спортивных побед,
Гонки, пробегов, встреч,
Трудных походов и эстафет,
Бронзовых лиц и плеч!

Д.М. СМИРНОВ

Знойным солнцем и полудню прогрета,
Сажет зеленою пазнет земля,
Стартовав в Закавказье где-то,
В Подмоскovie вступает лето,
По шоссе и проселкам пыля,
Ярким светом пронизаны дали,
Над шоссе голубой небосвод,
Наюмная легко на педали,
Велогонщики мчатся вперед.

Ю. ЩЕРБАК

Шуршит шоссе под шиннами,
Летим

след

в след.

Милей любой машинки нам
Велосипед.

Под арку моста — за реку —
И слова вдали;

Приохладе крепко-накрепко
К ноге педаль.

Пусть ветер встречный — выдюжим,
Нажмем еще.

Идем за майкой лидера
К плечу плечо.

Обгоним —

и стремительно
Закончим кросс...

Кто будет победителем —
Еще вопрос!

Т. НИКОНОВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Июнь. № 12. 1958 год.

Год
издания
35-й

Фото А. БОЧИННИК.



День советской молодежи

фото Г. Дубинского.

Утро удивительно раннее.
Светлые блики в синем тумане.
Дремлют бульвары...
Но не до сна нам!
Слышите,

лесни воздух полощут!
В Москве — на Красную,
В других — на главные
Идет молодежь на знакомые площади,
На стадионы идет и в парки.
Плятья на девушках
радужно-яркие,

Глаза — горячие,
восторженные...
Сегодня мы празднуем
День молодежи!

Сегодня для нас
Солнце!
Музыка!

Встречи!..
Даже выше кажешься ростом,
Хочется гору
взвалить на плечи,

Будто сия стало больше
раз в сто.
Сердце любовью полно к Отечеству.
Умножим же славу его,
мой друг!
Дали нетронутые, бесконечные
Идут наших смелых
дерзаний
и рук!

Л. КОВЛЕР



Евгений МАРКИН

КРАЙ МОЙ!



могают ему находить в жизни новые интересные темы, выразительные художественные детали.

В произведениях Евгения Маркина, как и в творчестве многих других начинающих русских литераторов, ощущается заметное влияние Сергея Есенина, их замечательного земляка. Что же у такого большого мастера слова, каким был Есенин, многому научиться, если только учиться творчески, без слепого подражательства.

Хочется от души пожелать молодому поэту успехов в работе над новыми стихами, в которых еще полнее проявились бы черты его творческой индивидуальности.

Игорь КОЗЕВ

Евгений Маркин — поэт еще очень молодой. Ему всего 20 лет. Работая литсотрудником газеты «Рязанский комсомолец», он часто ездит по радио-му ирано. На окисных речных пароходах, в студенческих общагитках и на колхозных полях встречается Маркин со своими героями. Об этих встречах и рассказывает он в стихах. Поездим по-

ЛУГ, ДА ПЛЕСЫ БЕЖЕВЬЕ...

Край мой
Дом мой
Луг, да плесы бежевые,
Да Ока струится в забытом...
Знаю я твою большую нежность,
Горести и радости твои.
В нас веселья и когда мне грустно,
В яркой полдень и в ночную тьму
Я спешу нахлынувшим чувствам
К теплоту дилжанью твоему.
Бор соконый, оясное поле...
Я здесь не прозой и не гость.
Хорошо, что на твоих раздольях
Мне расти и бегать довелось!
Потому мне дорог каждый кустик,
Каждое тропинка дорожка.
...Девушки, поющие о грести,
Мудрые рассказы старика...
Вспомню я —

и сердце звонче бьется,
Вспомню я — и больше в нем огня.
Хочется, мне очень-очень хочется,
Чтобы сыном
ты
назвал меня.

КОМАНДИРОВКА

(Из записок инструктора райкома комсомола)

Снова в правленья споры гремит,
Каких не припомнит, наверно...
После доклада трое ребят
Решают пойти на ферму.
Мороз донет их оден не привью,
А нынче ядруг захотели.
И жмет мою руку солдидный мужик,
Сам хозяин артели:
— Докладом вашим доволен вполне,
Оставляйтесь на танцы,
А ночевать пойдете ко мне...

— Что вы! Пора на станцию.
...А за оном им луны, им звезды.
Ветер поземку месит.
А до станции восемь верст
По незнакомому лесу.
Я нду, расслапя взгляд
По непонятной тропинке.
Лютую стужу до сиренета злят
Мои городские ботинки.
И в эту ступь покорию терплю,
Жалкой, ничтожной, маленькой.
Снова стуже клянусь, что куплю,
Завтра ж куплю себе валенки!
Лес распростерся во все концы,
Черный, горбатый, копыкий.
И представляются мертвецки,
И мерещатся волки.

Лес грохочет часы века
Грубо, глухо, устало...
Вдур между сосен блеск огня —
Да это ж оию вокзала!
...Зап. Чемодан прислонен к мешку.
Старушка важет на спицах.
Кто-то спит, подперев щеку.
Но большинству не снится.
Лампочки нежятся под потолком.
Ворчит вентилятор где-то.
Дружно хохочет над острком
Очередь у буфета.
Не лезут в карман за веселым словом,
И раздает утнчае
Буфетчица Клана — хров с молоком! —
Пенные кружки пива.
А для того, кто пива не пьет,
Грустит за столами в молчаньи,
Паром на плитке горячие бьет
Минерализованный чайник.
Льется по телу волна за волной
Густая, мягкая дрема.
...Дальний вокзал в стороне лесной...
Сто километров от дома...
Дорога... Пугающие кусты...
Злой до сиренета ветер...
А может, в этом нет красоты,
Нет романтики в этом!
В самом деле, от дома вдаль...
Каменная усталость...
Но если слова твои помогли,
В сердце чьем-то остались,
Если трое хороших ребят
Решили пойти на ферму,
Значит, дим не впустил летят,
Значит, романтика — верная!

Рисунки В. Каменского.

Вечер звезды в небе поразвесил,
Бросил под деревья горсть монет...
Нынче дожно жить легко и весело,
А у нас сегодня денег нет.
Очень просто: всякое бывает,
Если до стпендик чуть-чуть...
...Людий пар, огнем зыная,
За ограду спрятались по гура-
Ну и пусть, что мы теперь не в парке,
Не на танцах в клубе, не в юию...
Нашу доброту, звонкую и жаркую,
На рубли не купишь все равно!
И мечты, и радости, и горести —
Все с тобой им делим, институт.
Бойкое, красивое и задористое,
К нам девчата в комнату придут.
Вьем чай, заваренный некруто,
Сядем на кровать, как на диван.
Про большую дружбу в институте
Спойте нам, гитара и баян!
Потемнела в небе ночь осенняя,
Бьют часы двенадцать раз подряд,
А у нас опять стихи Есенина
Вперемежку с песнями звенят.
Что ж, званети! Сердце не утерпит,
Прогит вас в такое вечера...
Командит, как неурзумный перепел,
Все твердит за дверью:
— Спать пора!
Спать пора!.. Но вновь гитара тренькает,
Снова заливается баян.
И уже не барабанит в стенку
Наш доцент, ворчливый старикан.
И не спит. Наверно, в эту полночь,
Мыслим дав ниюю колею,
Вспомним он студенческую, солнечную
Юность бесполоую свою.

ЛЕНЬКА

Спятрятся месяц тоний,
Пароход в темноту окутан.
Кончилась алая Ленькина,
А он не идет в каяюту.
Бродит по верхней палубе,
Смолит на волны синие...
Ленька теперь послал бы,
Да ноу такая красавица!
Снежинками звезды тают,
Блестят пароходные окна...
Все здесь Ленку сиканот
Парням, немалого чинитим.
Вьется туман над плесам,
На носу отбивают силкиим.
Мельнигула с тяжелым подносом
Оля — официантка.
В ресторане огни не тухнут —
Музыка, рюмок звон...
Ленька заглянет на кухню,
Тронет бак с кипятком...
Хорошо с конфетами мятымим
Пить илпиту вволю,
Горького и белоплатного...
Как поцелун Олю!
...Ветром доизула крепче
Сизая рань речная.
Многие Леньке шелчут,
Что Оля такая, сказка,
Что зря он за нею гонится,
Зря удерился в лирику,
А мог бы легко познакомиться
С красивойкой пассажиркой...
А Ленька не любит Олю.
Такой уж характер, что ли?
г. Рязань.



Над Днепром прогрехотал очередной взрыв. В славе пробьет проход для будущего шлюза.

ЧЕТВЕРТАЯ НА ДНЕПРЕ

фото А. Удьяки

Мы подлезжали к старинному украинскому селу Табурище, в районе которого раскинулась строительная площадка Кременчугской ГЭС—четвертой гидроэлектростанции на Днепре. Во всем чувствовалась горячее дыхание огромной комсомольской стройки. Навстречу нам беспрерывным потоком двигались тяжело груженные самосвалы, грузовики, до отказа заполненные парнями и девушками в спецоках.

Неожиданно в стороне от нас прогрехотал взрыв, и тысячи гранитных осколков взметнулись к небу. Машина остановилась. — Скалу рвут. Место для будущего шлюза готовят,— пояснил стоящий неподалеку паренек. — А вы на стройку?..

Так мы познакомылись с дагестанцем Жайругой Бибисхановым, строителем Кременчугской ГЭС, которого мы первым встретили на площадке.

Жайруга приехала на стройку после демобилизации из гвардейской части. Незаметно пролетели три недели занятий на курсах безлазачие в комсомольско-молодежную комплексную бригаду.

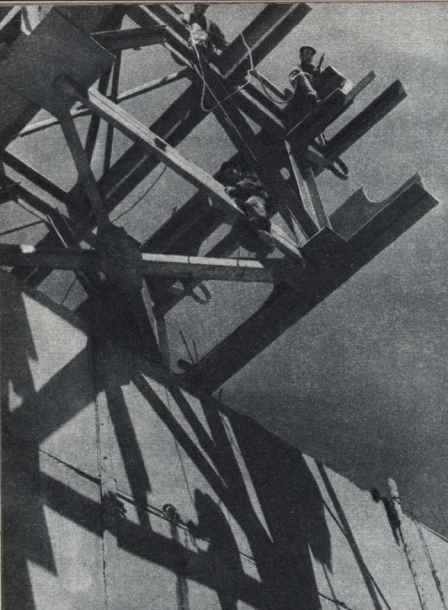
На участке основных сооружений, там, где на 7—9-этажную высоту возмечтаны башки бетоновозной эстакады, нашел Бибисханов бригадира Анатрия Дмитри-



Муден Днепр при тихой погоде...



Снова стала протрагивать путь строительству... Пушечки в ход перфораторы.



Идет монтаж железобетонного моста через шлюз. Снизу заметен, что монтажники Степан Тишков, Василий Кривоносов и Леонид Кулев забрались на самое небо.

ачка Яворовского. Немыслимый человек с обветренным худощавым лицом внимательно осматрел новичка, спросил:

— Сам-то откуда?
— Из Дагестана.

Ну, вот и отлично, — улыбнулся Яворовский. — Теперь нашу бригаду смело можно называть многонациональной. Ты из Дагестана, Томаш Жакегов — казах, Александр Семьякин — русский, Гейей Павринченко — украинец. А язык для всех общий: рабочий, не ленись!

С первой же смены Жайруга почувствовал, что бригада у Яворовского не редкость, дружная и сплоченная. Новички сразу попадали в руки опытных товарищей: Николай Злыгостев и Иван Пьявика, соорудившие до этого Каховскую ГЭС, учили новичков мастерству.

Дни проходили в напряженном труде. Бригада возводила стены здания ГЭС. Комсомолы горелись: строители дали обещание в будущем году досрочно пустить два агрегата.

Однажды перед работой Яворовский собрал бригаду.

— Сегодня особое задание, ребята, — сказал он, — боевое. Нужно в течение дня забетонировать перекрытие. Это многовато, но...

— Нужно сделать — значит, сделаем, — за всех отозвался Николай Петушков. — Какой может быть разговор!

...Непрерывно подвозили бетон. Давно уже окончилась смена, но никто не вспоминал об этом. Жайруга старался не отставать от других.

— Молодец! Хорошим строителем будешь, — похвалил Бибиславна бригадир. — Уже две нормы дали.

— По-чвардыески! — выпалила Жайруга.

Только после этой штурмовой смены почувствовал он, что сделка ему на право называться строителем. И уже по-новому,

Здесь, в районе старинного украинского села Табурище, строится Кременчугская ГЭС.



Земснаряд «300-40» намывает крепление Табурищенского вьеса. Старший багермейстер Лев Помирников и рабочий сменней механика Сергей Захарченко поднялись на мосты. Механизм работает отлично. Можно немедленно и перестроить.

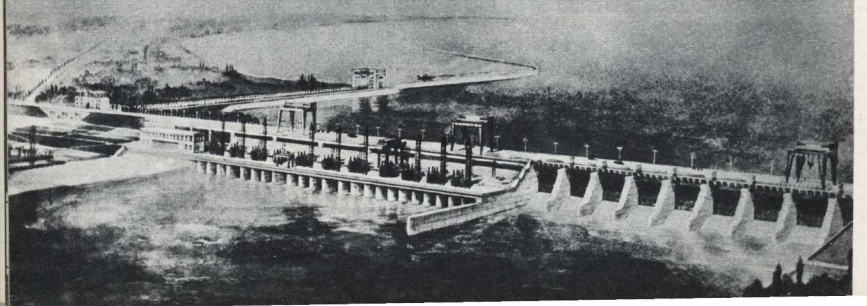
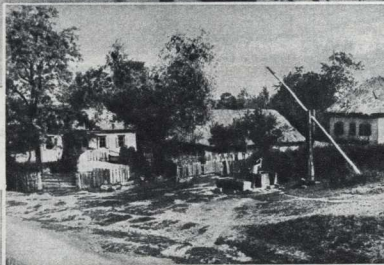
другими глазами стал смотреть на стройку — глазами хозяина.

Что ни день, то больше ощущался гигантский размах комсомольской стройки. Шла упорная борьба за метры в секунды.

Наблюдая, как мерно наклоняют свои длинные металлические шеи журавли-краны, снуют машины с бутом и бетоном, вспыхивают зарницы электросварок, Жайруга радовался. Он знал, на строительстве шлюза, на бетонном заводе, на эстакаде — всегда молодежь трудится по-мамаевски, ежедневно первыми выполняет задания. Саженом ведут монтаж моста через шлюз Степан Тишков, Василий Кривоносов и Леонид Кулев. Более полутора норм дает бригада бетонщиков Василия Булакова.

26 комсомольско-молодежных бригад асталя сейчас на трудовую вахту в честь 40-летия комсомола. На стройке хорошо известны имена руководителей передовых бригад Николая Зеленика, Ивана Германа, Валентина Самойлова, Алексея Александрова.

Алексей Александров из тех людей, которых все время тянет



к волону. Раньше он работал на строительстве Верхне-Сиверской ГЭС. Едва закончилось ее сооружение, как Алексей принял в комитет ВЛКСМ заявление: «Прошу направить меня на комсомольскую стройку». Приехав в Кременчуг, он сразу же окупался в кипучую, полную незаметных подвигов жизнь стройки. Вот уже больше двух лет возглавляет он комсомольско-молодежную бригаду слесарей и одновременно учится в энергетическом техникуме.

— Отмечный у нас бригадир,— с гордостью говорят об Александре слесари.

В честь 40-летия ВЛКСМ бригада Александрова выполняет план не менее чем на 150 процентов. Этой славной дате посвящают свои трудовые подарки все молодые строители. Спаявшие одну вагонку, одним стремлением, парни и девчата творят настоящие чудеса. Даже неопытному глазу уже видны очертания будущего шлюза, здания электростан-



Тан выглядит строительная площадка будущей ГЭС.



В прошлом году Борис Копай и Михаил Антипенко закончили курсы каменщиков, а сейчас их считают уже опытными строителями... Пройдет немного времени, и в 18-квартирный дом, возведенный их руками, въедут первые новоселы.

ции. Строители левого берега приступают к намыву плотины.

Все новые шломы с добрыми людьми прибавляют на стройку. И так же, как когда-то Жайруга Вибисханова, а первые дни они робко ступают на грохочущую строительную площадку, но быстро осваиваются, становятся умелыми бетонщиками, монтажниками, сварщиками.

Пройдет немного времени, в плотина перегородит Днепр. Образуется громадное водохранилище общей площадью 2 500 квадратных километров. На 240 километров будет простирается Кременчугское море в длину. Пожалуй, самый большой азиат сейчас есть если всю воду будущего Кременчугского моря пустить по каналу глубиной 5 и шириной 75 метров, то он оплошет земной шар по экватору.

Кременчугское водохранилище даст возможность намного повысить выработку электроэнергии на Днепровске, Каховской и Днепродзержинской ГЭС, расположенных ниже по течению, улучшит судоходство на Днепре, позволит

электрифицировать сельское хозяйство в прилегающих областях.

На месте села Таборище растет промышленный центр. Молодой город Хрущева уже строится. Тянутся vastы кварталы новых домов, строятся асфальт, столовые, кинотеатры. И местные жители, потомки знаменитых таборищенских каменотесов, готовят гранитную облицовку для Дворца культуры, который сооружается на берегу будущего моря. Наступление на Днепр продолжается...

В. МАЙОРЧИК,
А. НИКОЛАЕВ



Комсомолец Анатолий Гнойнов на минуту оторвался от работы. Нужно им посмотреть, как работают соседи-монтажники!



← Пользуюсь возможностью прямо на строительной площадке! Инженер О. Кузнецов и бригадир А. Яворский развернули чертёж, и начался горячий творческий спор.



Жизненный

Рассказ

Стол экзаменатора стоял у самого окна. Разложенные на нем листки ярко освещала солнце. Даже издали нетрудно было разглядеть простуженные складки бумаги номера билетов. «Все в порядке», — обрадовалась я, — нужно только выбрать знакомый номер. Но стоило подумать об этом, по телу пробежал противный озноб, и, шагнув к столу, я протянула руку за ближайшим билетом.

«Ну вот, и этого не сумела!» — ругала я себя, встопычив в знакомую парту. Наш, заведомый, на экзаменах не текло авторитет. И ничего, сходит... Однако я понимала, что теряться бесполезно: себя не перекрочишь. Бюда у меня другой характер, многое сложилось бы иначе...

Я положила перед собой билет, бегло ознакомилась с вопросами и неминуемо приободрилась: вопросы были не из сложных; смущала только задача: электрической ток, как-то развлеклась, поладил я прибор, и прибор включился или не включился... Это, оказывается, зависело от положения переключателя, который схематично был изображен тут же, на билете. Чем внимательнее я всматривалась в схему, тем больше запутывалась и тем хуже понимала, что же, собственно, в приборе происходит. Мысли стали расплываться, против воли возвращаясь к суматошным цапкам делая. Мне снова вспомнился мужчина, с которым я столкнулась у проходной. Глаза его казались дерзкими, злыми; одет он был совсем не по погоде — в плотный прорезиненный плащ...

— Я жду вас, вы готовы, Карпов! — Я не очень, кажется, осмысленно посмотрела на преподавателя, протянула ему билет и сплюснута заявила, что приду еще раз.

— Очень жаль! — не без иронии сказал преподаватель. — Впрочем, кроме Галицкой, все ваша группа отличилась. Половина преподав вообще не явится... Вы не знаете причину?

Конечно, я знала. Я бы тоже не явилась, если б не боялась огорчить маму: за мой учебный она следит так, словно я не взрослая, а первокурсница... Меня не удивило, что Галицкая сдала экзамен: ей на завод нелегко, хоть горы все кругом — sprichtсся куда-нибудь и будет зубрить. Но я не стала подмарать авторитет Галицкой. Еще дойдет до нее, подумает: из-за ревности, из-за Павлика... Я просто отвечала, что сегодня последний день ивста, и ничего не случилось бы, если б экзамены перенесли на пару дней, когда не будет такой горячки.

Мои слова почему-то не понравились преподавателю.

— У вас так непрерывная горячка... почти кричул он. — Мы не будем приспособляться к штормошине!..

Тихонько выскользнула за дверь, я миновала коридор и начала спускаться по лестнице. Шла, задерживая ногу на асф. и ритично, в так шаг, шлепала ладонью по перилам. Я всегда так делала, чтобы успокоиться...

Было ясно: больше троем я мне теперь не получится. Та же Галицкая на определеном собрании шептается в меня, будет прорабатывать, и тогда мне ничего много не останется, как выйти на трибуну и покатиться. И еще я думала, что напрасно, видно, не закончила, как всегда, «Технику», «Технику», «Технику» — твердила я тогда. Вроде умно: ведь сюда шла все равно в ученики, хоть и с аттестатом зрелости... Так махнула рукой на аттестат, работала, пошла. Но в техникум сразу не удалось поступить. Проконсультировался, документы вовремя не подала, а дальше, по советам говоря, и охота пропала. Если б не директор кав, Андрей Сергеевич... Дважды вызывал меня, стдид: «Чем ты хуже другим? Незачем. Я в семнадцатый лет — и не учился... И вот учусь, третий год мушкет. Как на разной машине: и работа тянет, и учеба тянет — совсем деформировалась... А в результате что? Ну, закончу. Что изменится?.. Инсти-

тут вряд ли одолею. Начальником мне, с моим характером, не быть. А сидеть у своего приборчика, слушать, как в нем счетчик щелкает, и ставить на катушки штампы «годен правоскодно можно и без техникума!»

Такие мысли у меня, признаться, не впервые. Однако раздумывать было некогда: на улице, у двери в техникум, меня должен был ждать Павлик — шофер директора. Я не много головая, когда он предложил «Победу». Обычно в это время Андрей Сергеевич отпускает Павлика, сам садится за руль и уезжает обедать.

Не успевая я выйти, Павлик выпрыгнул из машины и расплутал передо мною дверь, но явду, заметив, что я не в духе, перестал улыбаться и осторожно взял меня за руки. Тут я, как дуря, расплакался. Он очень несчастной себе показалась. Экзамена не сдала, с преподавателем повздорил... И но явду еще представляла, какая в невзрачной и слепящая ярдом с Павликом, несколько Катки Галицкая солидней... Стою на улице и вскриываю Павлик. Бедный, совсем растерялся: он ни когда не видел меня плачущей...

А потом мы сели в машину. И, благодарная ему за то, что он ни о чем не спрашивал, я поскорому кинула головая, когда он предложил покатаюсь. Свернула в переулок, Павлик быстро вывел «Победу» на шоссе и дал полный газ. Максимально-высокой асфальтовой лента стремительно наслас под радиатор, белеющие гномы-столбики кланялись все чаще и чаще, все стремительнее мелкалы посаженные явду, обочины молодокские дубки. Солнечные блисы, ветер, хлещущий в лицо — все это было так чудесно, что я невольно замиривалась. Не знаю, сколько времени мы мчались. Вдур «Победа» завизжала к, будто во что-то врезались, останоилась. Первое, что я увидела, открыв глаза, был явду на дороге. Обширный, ни ветесных досок, швашишкис с перегруженной тротуаром.

— Поможет! — предложил Павлик, указывая взглядом на сущующую около машины двухшху-шофера. — Небось, ей не поднять сармой.

Я не ответила. Мне было не до девушки. Я вновь вспомнила про мужичку, с которым столкнулась у ворот завода. Он нес фанерный явдчик, один из тех стандартных явдчиков, в которые мы упковываем свою продукцию — провуд. Ну, конечно, рекламная... Это еще не хватало!.. А я?.. Убедила на экзамен, не узнав, в чем дело. И вообще в такой труднейшей для завода день... Катосе... — Поворачивай! — сказала я сердито. — Мне срочно нужно на завод!..

Из машины, чтобы не подвести Павлика, я вышла на развалю. Добежала до проходной, сунула ватеру пропуск — и в шшу. Врвасья в цех — так и есть! На моем рабочем месте, у стола испытаний, — целый консилиум, человек восемь!.. А в центре — начальник ОТК и тот самый мужичка с дерзкими глазами. Идк потом выяснилось, агент по снабжению. Оба взершононо, кажется, вот-вот в волосы друг другу шщепятся.

Какой вид у меня был, я не знаю: зerkил в щех не полагаться — но, наверно, зьяне не совсем обычный. Во всяком случае, когда я вошла, все, как по команде, повернувшись в мою сторону, а начальник ОТК Степан Антонович даже несколько шагов настревую сделал.

— Вот! — сказал он снабженцу и как-то странно поглядял на меня. — Вот наш контролер. Споры ваши не слышала, атом вашего завода не видела-лицо абсолютно объективно... Проверьте, товарищи, качество продукции. Но остроже и без скидок, в точности по ГОСТу.

Пропустили меня в приборам, вынула я из

того самого щипчика наугад несколько катушек и чувствую—сердце больше не работает: на всех без исключения катушках штампик номер 33—мой личный номер!

— Ну, чего вы ждете, Карпов?— слышу, как сквозь сон, голос Степана Антоновича.— Испытайте!

А сам он, чтобы помочь мне, устанавливает переключатель и всматривает катушку на ось прибора.

Когда долго деловито одно и то же дело, можно выполнить все довольно точно даже в послуборочном состоянии. Закрепив я катушку на ось, отмотала чуть заминута проводок, протянула его через ртуть в ванночке, включила моторчик... И сразу—щелк, и еще раз—щелк! Дважды щелчок сработал. «Ну,—равнение означает, я не знаю, но Павлик выкинет его в случае полной безнадежности».

Тонкий эмальированный проводочек с катушки снимается, на свету поблескивает, моторчик жужжит, а за спиной у меня—ну, прямо безвоздушное пространство: все замедлено. Прибор мой устроен так, что сам отсчитывает дефектные места. Пять щелчков—еще годится производ: шесть и—все пропало, брак, ГОСТу не соответствует... Но первая катушка хорошей оказалась: всего лишь в трех местах змала прогорела. Вторую катушку я уже гораздо сложнее испытывала, а когда достала испытала—и все, представьте, годными оказались!—не выдержала, повернулась к снабженцу:

— Ну, теперь вы убедились?... Напрасно шум подняли!

— Нет, почему же,—но согласился со мной Степан Антонович—если есть сомнения, лучше проверить. Наш проводок надо для монтажа всяким ответственным надзором. Качество продукции—вопрос государственный.

А у снабженца на лице пятно.

— Как же это,—пробортовал он,—ведь у нас в лаборатории испытывали. Протоколы есть... И при монтаже аппаратуры получается брак, сплошные замкнутости...

— Монтажа касаться не будем,—сказал Степан Антонович.—За монтаж аппаратуры ваш завод отвечает. Наше дело—провод. А провод ГОСТу соответствует. Тут уж никому не денешься, зря вас самолетом из Харькова пригнали... Спасибо, товарищ Карпов... А вас,—снова обратился он к снабженцу,—попрошу зайти к директору.

И все ушли. Снабженец—тоже. Не прочнее мне руку подал:

— Действительно, какое-то недоразумение.

Села я задумалась—никого не понимаю: завод в Харькове солидный, в лаборатории, конечно, специалисты испытывали... Может быть, у них приборы врут!

Вдруг подхватило мне Катя Галицкая. Она ведь тоже в нашем цехе, уметичка работает.

— Молодчина!—Дружески объяла меня за плечи.—Наконец-то ты с собой на змяло спустился. Теперь тебе при случае премия обеспечена.

— Премия? За что?

— Ну-ну, не придирайся!

Тут уж я про все на свете забыла. Схватила ее за кофточку и, едва сдерживая негодование, прошипела сквозь зубы:

— Или сию секунду ты все объяснишь, или... я за себя не ручусь!

— А что объяснять? Разве ты не видела, как Степан Антонович переключатель поставил!

Посмотрела я на прибор—действительно: рычажок в цифру «два» уперется, при таком положении не самые тончайшие, а чуть толстые провода испытывать подается.

— Ну, не велика важность! Когда переключатель неисправен, мы так часто испытываем. Сам Степан Антонович не раз нам объяснял, что оба положения почти одинаковы.

— Почти... А ты электротехнику не изучала? Тебе не кажется странным, что переключатель портится всегда, когда с программой туго!

Если б Галицкая просто так спросила, а не постучала пальцем по анусу, может, я и на этот раз ничего не понала бы... Но тут мгновенно сообразила, в чем дело. Все очень просто. Сбачки, как и всякой электрической прибор, начинают работать при определенной силе тока. Сила тока зависит от преград, стоящих на его пути,—так называемых сопротивлений. Величина сопротивления варьируется с помощью переключателя. И если сила тока недостаточна...

Я сразу вспомнила задачу, которая смутила меня на экзамене, и мне стало все ясно.

— Не помня себя от злости, я помчалась в кабинет директора. И когда, пересаживая че-

рез три ступеньки сразу, бemaла по лестнице, передо мной неожиданно вырос агент по снабжению.

— Простите,—нерешительно попытался он остановить меня.

Но я пробжала мимо, и уже со второго этажа крикнула, чтобы он не уезжал, а ждал меня во дворе, в свиреке.

Ждать ему пришлось долго.

У директора сидел Степан Антонович, а я чувствовала, что нелзя, ну, просто невозможно мне в таком состоянии с ним лицом к лицу встретиться. Пусть уж лучше потом, без меня, Андрей Сергеевич с ним разведается! Черта знает, я потакала в коридор, пока не ушел мой начальник, и без стука вбежала в кабинет.

— А... студентка!—весело приветствовал меня Андрей Сергеевич.—Ну-ну, заставь! Не жалеешь, а заставь! Третий курс, пожалуй, самый трудный. Без пяти ми-нут технич Поздравляю, поздравляю!.. В следующем приказе благодарности объявлено...

Волосы у директора радевали, радевали. На кармашке сорочкисидела игла. Лицо устало, в веточках морщинок, как у моего отца. Обмануть такого невозможно.

— Я сегодня провалилась, Андрей Сергеевич!

— Ну, знаю, что сильнее поразило Андрея Сергеевича: мои слова или том, которыми они были произнесены.

— Провалилась! Гм!.. Ну, не горю, исправишься... Извини, я очень занят. Из-за этого клаузулы снабженца даже объявить не похал.

Он не клузуны, Андрей Сергеевич!—Мне вдруг стало чуть ли не до слез обидно за снабженца.—А катушки—брак, действительно. Я теперь припомню, я в первый раз неправильно испытывала. Ключ все заедал, а Степан Антонович... Он нам часто разрешал... А сегодня сам переключил. Сам!.. Что же это получается, Андрей Сергеевич!

Я никогда не видела сераженного приступа. Поэтому, когда директор, как-то сразу посере, грузно опустился в кресло и, расплскивая, начал наливать в стакан воду, я ужасно испугалась. Но у Андрея Сергеевича никакого приступа не было. Он выпил несколько глотков и стал поздравлять станком по графику.

— Что касается «частот», то это чудь,—сказал он строго после продолжительной паузы.—Ты, наверное, с перепугу придурился не люб от других заказчиков не поступаю... Но и этот единственный случай,—он сделал ударение на слова «единичный»,—крайне неприятно... Ты, конечно, что поворот ключа меняет показания!

— Ну, конечно! Я могу вам привести расчеты. Не может быть, чтобы Степан Антонович не знал таких простейших формул!

— Что же, по-твоему, сознательный обман!—Андрей Сергеевич все так же сидел. Врядли, подозрительно глядя на прямо мне в лицо и ожидая ответа.—Имей в виду, такое обмане...

— Но при чем тут вы, Андрей Сергеевич!—невольно вырвалось у меня.—Я и в мыслях не имола!

— Еще бы!—улыбнулся директор.—Однако и Степан Антонович... Что он разрешал... или не разрешал... доказать трудно. Производя продукцию на ок. Проверяла ты. Слава богу, не ребежон, на третьем курсе учишься. Мога бы знать, зачем переключатели устроили!

Директор был прав. До сих пор учеба и работа в моем сознании как-то совершенно не соединялись. Еще утром я была уверена, что формулы электротехники нужны мне лишь «для общего образования», не больше, чем какие-нибудь даты из учебника истории. Но я ведь и не собиралась оправдываться. Пусть пусть меня накажут! Главное не в том, кого накажут. Главное, чтобы снабженец не ушел. Нужно срочно заменить брак, все это катушки. И по закону и по совести завод обязан это сделать!

Андрей Сергеевич выслушал меня весьма внимательно. Моя готовность принять на себя вину, по-видимому, ему понравилась.

— Да, главное—катушки,—протография он уже почти совсем спокойно, подобрившим голосом.—Сто катушек им формально заменить обязаны. И заменим. И в делительном яриме меры... Но как раз сейчас...



Андрей Сергеевич подбирает слова, прежде чем произнести, как бы надкусывая их, проговаривая. Он больше не ругал меня. Наоборот, хвалил за принципиальность, одобрял.

— Видешь ли, — дружно, словно советуясь со мной, продолжал Андрей Сергеевич, — ГОСТы тоже люди составляют. Такие же, как мы с тобой, перестраховщики. Ну, скажи, откуда эта норма — пять прогаров? Не два, не восемь — пять! Кто-то почему-то так решил.

А для нас — святая: государственным стандартом названо!.. Может быть, по существу, и восемь не опасно... А потом, представь себе, что значит заменить катушки. Не когда-нибудь — сегодня, немедленно. Эти две катушки весь наш месячный план срывают! Вал, допустим, наскребем. А номенклатурой. Без номенклатуры нас сейчас же в список грешных. Прямыхлами — долой. Фонд директора — долой. Честь завода замыкает. Газов справедливо, если пострадает коллектив только потому, что ты ошиблась!.. Да к тому же и ошибаюся эта... — Андрей Сергеевич как-то непонятно поперхнул у носа пальцами. — Ошибаю ошибкою рознь. За такую, с позволения сказать, ошибочку с тебя придется удержать огромнейшую сумму.

Если бы Андрей Сергеевич не сказал про сумму, может, все вышло бы по-другому... Но он сказал. Даже не слышав с тем, что по закону с контролеров ОТК за брак не удерживают. Сказал!..

...Вот уже недели две на заводе новый директор. А мой начальник ОТК Степан Антонович сам уволился. Цаховые ребята меня хвалят, говорят, молодец, будто после моего письма в партийное бюро очновательство и вышло!..

Но тогда, конечно, я не знала, что так хорошо, чудесно все кончилось. Помнится, я медленно спускалась по лестнице и думала, как мне подготовать маму, чтобы она не плакала, не упрекала, если меня уволит. Я спускалась, задерживая ногу на явсу, и шелкала ладошкой по перилам. Но не для того, чтобы успокоиться. Что-то в тот день во мне переменилось. Мне казалось, я села труднейшей, на всю жизнь, экзамен... Я была спокойна. И сильна.



На установке, за которой следит комсомолка Ксения Лесенчук, из множества тонких ласановых нитей свивается одна толстая нить.

ШЕЛК ИЗ НЕФТИ

Во Всесоюзном научно-исследовательском институте искусственных волокон работает небольшая группа химиков, которой руководит молодой ученый, кандидат технических наук Борис Владимирович Петухов.

Прежде чем начать рассказ о работе лаборатории, Борис Владимирович кладет на письменный стол три предмета. Слева две силиконы, в одной из них белый порошок, в другой — прозрачная жидкость. Это — исходное сырье, полученное из обыкновенной нефти. Слева — катушка тонкого прочного синтетического волокна ласан, технология производства которого разработана в этой лаборатории.

Судьба волокна очень любопытна. Впервые его удалось получить несколько лет тому назад английским химиком. Одна из крупнейших фирм завладела открытием и продала его капиталистам США, Франции, Западной Германии. И везде технологию держали «под семью печатями». Советские организации пытались приобрести у английских промышленников необходимые технические документы, но те завышали баснословную цену: они были уверены, что советские инженеры такая задача не по силам.

Велино было, наверно, их разочарование, когда в начале этого года они прочитали в советском журнале «Техническая промышленность» статью с подробным описанием технологии ласана. Наши ученые не пытались в сейф с открытием, а сделали его достоянием мировой химической науки... Теперь, когда гущина открытой промышленной установки, все кажется простым, давным-давно освоенным. Но ведь совсем недавно не было ни установок, ни технологии... Лаборатория ласана была создана в Институте искусственных волокон три года назад. В ней, кро-

ме руководителя, работали всего три инженера-химика. Изюм в день Б. В. Петухов просиживает за крохотным автомобилем объемом всего в пять литров, подбирая наилучший котлализатор. Каждого «наездника» на эту ответственную «роль» надо было исследовать: изобрести, с такой быстротой протестировать при его помощи химический процесс. Так было перепробовано около семидесяти различных веществ. Инженер Михаил Павлович Носов терпеливо искал самую выдвигную температуру горючей вытиски шелловых нитей. Старшему научному сотруднику Галине Михайловне Тереховой поручили разработать технологию получения штапельного волокна. Нужно было решить, с какой нагрузкой проводить его вытиску, как лучше вводить название и резку. Штапель имел сложность и «усадку» — срастался в длине при нагреве. Галина Михайловна устранила этот недостаток.

После упорных поисков маленький коллектив одержал большую победу.

Ласан уже настойчиво требуют наши текстильные предприятия для добавок в шерстяные ткани. Инженер-текстильщик заметил: выпускать ткани для костюмов и пальто в трикотажных изделиях на 50 процентами ласана. Ткани станут дешевле и лучше.

На Всесоюзной промышленной выставке открыт павильон химической промышленности, и в одной из его залов, конечно, поставлен стенд, посвященный ласану — упругому, эластичному и очень прочному синтетическому волокну. Оно в 4—6 раз прочнее шерсти, по виду напоминает шерсть. Ласан устойчив к трению, к нагреванию и к свету (в отличие от капрона).

Вскоре появятся многочисленные изделия из ласана: пальто, костюмы, платья, диаметры, свитеры, носки, чулки, шелковые гардины, лапуса, сетки, канаты, ленты, транспартеры.

А. ШАМАРО



Лаборантка комсомолка Галина Терехова недавно окончила десятилетку и сейчас продолжает учебу в вечерней институте. Вместе с руководителем лаборатории Б. В. Петуховым она проверяет качество ласановой нити.



По крутым, заснеженным склонам гор и тесным ущельям, через бескрайние степи уходят геологов трудные тропы первооткрывателей. Ищут они богатства, которые таит в себе наша земля: руду, алмазы, уголь, золото, нефть, металлы...

Каждый год в огромную армию геологовливается новое пополнение — тысячи молодых специалистов.

Почетный труд и большая радость ждут этих юношей — Георгия Лозского, Асанмары Сагындынова и Кубата Осмонбетова, дипломников Фрунзенского политехнического института. Пройдет немного времени, и они отправятся в свой первый самостоятельный поиск...

Фото А. Скурхияна.



Баскетбол стал одной из распространенных спортивных игр в нашей стране. На снимке: встреча двух женских команд — «Калева» (г. Тарту) и Ленинградского электротехнического института.

Фото А. Бочинина.

«ПЛАВУЧАЯ» СЕМЬЯ

Фото и текст Г. Дубинского.



...Не хватало только имени Леонида Карловича, чтобы на фотографии была представлена вся «плавучая» семья.



Тренер по плаванию мастер спорта Элеонора Осиповна Мешкова.

Просматривая недавно альбом своих старых фотографий, я обратил внимание на снимок, который был сделан мной одиннадцать лет назад. На этом снимке — известный пловец Леонид Мешков с сынишкой Леной и дочуркой Элей. Не хватало только

жены спортсмена, чтобы на фотографии была представлена вся «плавучая» семья...

«А какие теперь Лена и Эля? — подумал я. — Интересно бы взглянуть на них». И в тот же день, захватив с собой старый снимок, я отправился к Мешковым.

Леонид Карлович мало изменился, только на висках заблестели серебряные нити да у глаз стало чуть побольше морщинок.

— Это был один из счастливейших дней в моей жизни, — сказал Леонид Карлович, всматриваясь в снимок.

«В тот день, одиннадцать лет назад, знаменитый пловец, неоднократный чемпион страны и мира, впервые после распада, получившего на фронте, участвовал в соревнованиях и установил новый всесоюзный рекорд. Он вернулась в строй. Действительно, что могло быть радостней для спортсмена! Как раз после тех соревнований я и сфотографировал его с детьми в плавальном бассейне Московского автозавода.

— Ну, а как «малыши»? — поинтересовался я, возвращаясь к начатому разговору.

— Они уже совсем взрослые, — улыбнулся Леонид Карлович. — Кстати, Эля сейчас дома, и вы можете с ней поговорить.

Мы вошли в соседнюю комнату, и я увидел стройную девушку, которая о чем-то беседовала с матерью. Как мало походила Эля на ту девочку, которую я снимал одиннадцать лет назад!

Эля Мешкова учится сейчас на втором курсе университета. У нее первый спортивный разряд по плаванию. Ну, конечно же, она участвовала во многих соревнованиях, в том числе в III Международном дружеских играх. У Эли сохранился интересный снимок: венгерки, немки и французюнки обнимают трех русских девушек-победительниц и среди них она, Эля Мешкова. Зарубежные подруги горячо поздравляют ее с получением золотой и серебряной медалей.

Когда я уже собирался уходить,

в прихожей раздался резкий звонок.

— Наверное, Лена, — обрадовалась Элеонора Осиповна, — по звонку ушла.

Мать не ошиблась. На пороге стоял самый младший Мешков. Мне еще труднее было узнать его. Лена учится в сельском классе. И он остался верен традициям спортивной семьи. Можно без преувеличения сказать, что этот любознательный мальчик провел больше времени в бассейне, чем дома, и в воде он чувствует себя, как рыба. Правда, пока у него только второй спортивный разряд. Но он уже не раз побеждал на юношеских соревнованиях, хотя ему всего тринадцать лет.

Заслуженный мастер спорта Леонид Карлович Мешков и его жена Элеонора Осиповна в настоящее время работают тренерами по плаванию. Они с любовью передают свой богатый опыт не только дочери и сыну, но и сотням юных москвичей, которые обещают стать со временем отличными пловцами.



...Как мало похожа Эля на ту курносую девочку, которую я снимал одиннадцать лет назад!



...Можно без преувеличения сказать, что Лена чувствует себя в воде, как рыба.



ЗДРАВСТВУЙ ЖИЗНЬ!

Очерк

Тихонько, чтобы никого не разбудить, в наш большой, слетевший из камня шалаши входили копильщики и крупящие пробирались к своим местам. Сквозь сон кто-нибудь вскрикивал, если ему незначная наступала на ногу, или ворчал, когда просили по-двинуться. Наконец все затихло.

Но только на время. Почему-то все ребята, хотя бы раз побывавшие на комбайне, словно заблевали бесоницей. Они ворочались с боку на бок и наконец, не вытерпев, начинали шепотом переговариваться. Но никто и не думал обижаться на копильщиков.

В степи, где они с утра до позднего вечера качались на зыбких мостках комбайнов, им редко удавалось перекунуться словом. Что им говорить, а работать с ним нельзя! Одного за другим гонит с комбайна. Выискался на нашу голову этот Жилин! — сдержано негодовал чей-то голос.

«Вон оно что! — подумал я. — Опять Жилин копильщика прогнал. Сколько же у него перебывало за неделю? Четверо, что ли? Значит, завтра придет за новым! А что, если мне пойти? Нет, куда там! — тут же отогнал я эту мысль. — Покрепче меня ребятам выкола. В степи не то, что на току: пыль, жарина».

«Боишься? — вдруг заговорил во мне укоризненный голос. — У тебя не очень-то крепкие мышцы — это верно. Но зато есть кое-что поважнее: упрямство. Поминишь, как однажды ночью напали на тебя хунтавы? Ты мог бы убежать, но ты остался, потому что никогда не простишь бы себе трусости. Шестеро парней, сильные и наглые, шибки тебя с ног, избили жестоко, безжалостно. И все-таки ночной схваткой ты гордишься: не трусишь, не сбегал... Но что ты сделал в своей жизни большого, значительного? Где она, где твои дороги?»

Вдоволь наговорившись, уснули копильщики, и только я лежал и все думал, думал. Сразу же после десятого класса по настоянию отца пошел я на завод. Поставили меня учеником к токарю. Два месяца я только и делал, что отбачивал простенькую деталь, которую почему-то называли «станкаником». Операция удручала своей несложностью, и я досады в chest «запарывал». Мой учитель, застенчивый, как девушка, токарь Ваня, пришедший в часе годовом раньше, сострадательно смотрел на меня и, смущаясь, объяснял одно и то же. Как-то, не вытерпев, я швырнул деталь.

«Остервенился мне эти «станканики!» — бросил я через плечо оштрафованному Ване. — Хоть бы другое что дали!».

А дома отец, покочавший седой головой, говорил мне:

— Нету у тебя гордости, сынок. Той работой гордишься, без которой любой человек — туфля! — сырое поле. Тлеет, а огня нету. Ты чего это от завода нос воротил, а? Твой дед ако

жизнь этому заводу отдал, а на нем полвека отработал. А ты...»

Опустил голову, сидел я за столом, не смея взглянуть отцу в глаза. «Подумаешь, завод нацел, размазала я про себя, — всего-то три чека. Вот где-нибудь на Урале — это да! А здесь что? Токи вечно какой-то «станканики!» Нет, этого завода не для меня... Что же делать? Уйти? Но куда?»

До боли хотелось, так хотелось чего-то нового, необыкновенного!

Когда я услышал слова памятного призыва: «Молодежь! Урожай ждет тебя. Собирайся в дорогу!», — все во мне так и загорелось.

Узнаю, где, казалось, поселилась сама бесполобая юность, мчался в туманные дали. На десятый день пути потонули неосладевшие степи, в волнах желтого моря замирали первые комбайны. Ребята сгрудились у дверей и, не отрываясь, смотрели в степь.

В Первомайском съехало всех, кто ехал в нашем вагоне, отправили в третью бригаду. Все здесь удивало нас, настраивало на неподдающийся дал: выжженная солнцем степь, хрупкие вагоны на колесах, где жили рабочие, сонованная вода в глубоком колодезе.

Но больше всего привлекал ток, где нам предстояло трудиться.

— Завтра, — сказал нам бригадир, — начнется уборка. Ждите, ребята, зерно. И смотрите, не подкачайте.

Не прошло и дня, как один за другим начали подходить работни-грузовики. Мы едва успевали разгружать машины.

— Скорей, братва! — сердито кричали шоферы. — Пошевеливайся!

Бойлся спина, на ладонях вспуливали волжские мозоли. Стиснув зубы, мы остервенело ворочали лопатами.

Со временем пришла привычка. Мы уже не падали от усталости с ног. И все-таки я не был доволен собой. Работа на комбайне была потруднее, чем на току. Только самые крепкие ребята шли в поле, и то выдерживали не все.

«Не выдержу — засмею», — думал я, лежа с открытыми глазами. — Жилин прогнал да еще вдобавок обругает. А что, если все-таки пойти? Очень интересна мнея этот непонятный человек: грубоватый, озорной, он, как рассказывали, в поле был незаменимым комбайнером...»

...

Пронсудся я оттого, что кто-то посторонний смотрел на меня цепким, неотрывным взглядом. Это был Жилин. Он стоял у двери, расставив ноги и свистя подмышкой вперед. Видно, он только что умился. Его худощавое лицо выглядело совсем молодом.

— Эй, парень! — крикнул он хриплым, оче-

видно, простуженным голосом. — На комбайн ко мне пойдешь? Копильщиком!

Было в Жилине что-то грубовато-властиво, что заставляло настораживаться, и я колебался. «Прогонит, как и всех», — вспоминались вдруг ночные раздумья. Я отвернулся, попробовал притвориться спящим.

— Пойдешь или нет? Говори сразу! — Самосала, на котором мы должны были ехать в степь, к комбайну, уже поджидал нас. Жилин сел в кабину, рядом с шофером, и устроился в гаюком металлическом кузове.

Над степиной вставало утро. Новый страдный день приходил, вытесняя ядом остатки ночной прохлады, наполненный гулом, грохотом и кипением неспящей битвы. Он приносил новые тревоги за судьбу урожая. Люди спешили...

У Жилина было два комбайна. Спеленные друг с другом, они стояли в поле там, где застала их ночь. От росы металлические бока их мастов поблескивали; казалось, машины спали, утоленные долгим мучительным днем.

Жилин с паклей в руках полез под комбайн. Он долго возился, тщательно протирая каждый винтик. Я стоял рядом, не зная, за что прийти.

Жилин высунул из-под комбайна голову, озорно повед сиром, с желтизной глазами:

— Принеси-ка сюда ключ, двенадцатый номер. Знаешь?

Я кинул, хотя и понятия не имел о том, как должен выглядеть ключ «номер 12». Стыдно признаться, но за два месяца работы на заводе я не научился распознавать ключей. В ящике с инструментами я копался долго, пока Жилин не крикнул сердито:

— Ну, чего жмя? Проваливай куда, что ли? Взяв сразу несколько ключей, я полез к Жилину. Он лежал на спине, сосредоточенно рассматривая механизм. Ожидал новой насадки, я протянул ему ключи. Но Жилин взял нужной ему «двенадцатый», даже не взглянул на меня.

Вскоре подошли двое штурвалных, тракторист и второй копильщик. Они нечаяли здесь же, в поле. Заспаные, с соломой в волосах, ребята не поворачивали Жилину. Он вылез из-под комбайна и, усмехнувшись, покачал головой: озорная искорка запылала в уголке его глаза.

— Может, еще поспите, работнички? Охотинко вы, как я вижу, до сна! — Ладно, Жилин, не будем ругаться — мирнобыло ответить тракторист Минна, рослый парень, похожий на цыгана, и пошел к трактору.

Жилин стоит у штурвала, хотя мог бы вполне не делать этого: ведь он комбайнер, и у него есть помощники. Но Жилин предпочитает штурвалить сам, а обоим помощникам отослал на второй комбайн.



— Артист! — восхищено говорит о комбайнере Димка Ковалев, второй комбайщик. — Видел бы ты, как он отъезжает однажды, когда мы сразу тыли тонн коксаши. Обрядовский, свелит до мостки, сорвал бурлажу — и пошел! Памяет, а сам кричит: «Пять тонн! Салынте, зй-зй! Пять тонн!» Артист! — улыбается Димка и продолжает: — Ты не думай, что Жилин шалует какой. Конечно, до ему так отобрет — держак! Как-то попался он с шюфером. Тот не захотел зерию выте; покормил его плохо. Так Жилин и говорит ему: «Я бы тебя, проходима, совсем кормить не стал. Уматый из стени, не путайся в чести! Злой под козлами — и протал его. С тех пор шюферы иначе, как козлинном, его не называют.

Димка работает у Жилина больше недели. Парень он крепкий, вырост в деревне, конечно, ему легче, чем мне, но все-таки секрет он какой знает, что ли, который помогает удержаться на комбайне?

— Какой там секрет! — машет он рукой. — Просто я привык. Увидят Жилин, кто спит на комбайне, гонит сразу. Смотри, старайся не спать, а то чего доброго, и тебя выгонит. Он спыльщиком — кричит, ругается. А злости ни на кого не держит. Отходит скоро. Вот прогнал комбайщиков, а сам идет-да спрост про них: как там ребята поживают.

Обед привезли только к вечеру. Мы расселись под коптелюшкой, где не так дымилась жаря. Тета Маша, бригадная повариха, разлила нам по мискам суп, сама села в сторонке и, перетаря полотенцем стаканы, участвовало, с какой-то грустной жалостью рассматривала нас.

Тета Маша никогда не бывает без работы: то назначает неском дожки, то моет миски, то стирает промашенное насквозь комбайнерское белье. Вся она так и светится мягкой добротой и заботой.

— Смы-о-ки! — позвала тета Маша. — Ты чего же не ешь, родимый? Съешь хоть немного. А пота чаши выпейшь.

— Ешь, парень, — сказала Жилин, — косить нам еще долто. Смотри, свалылись мычце, завтра уж не возьму на работу. У нас тут дело серьезное... Ну, вот и живи по-человечески! Он залорно отгладил подручмы. — Теперь закури по мальной — и за работу.

— Погоди ты, неугомонный! — вступилась за нас тета Маша. — Дай поест-то ребятам. Все бы ты спешил. Погляди, сам на кого погляди, сразу вои торчат. Неугомонный ты, Жилин, паря слово, неугомонный.

— Эк, сказанула-а... — протянул Жилин. — Неугомонный Хлеб-то, глянь, осыпается. Не косить вовремя — пропадет. Он помолчал, затряс головой, а потом самовольно: — Поднимайся, порай!

Через силу поднял отжалевшее тело, а залез на копилею. Он вылез с юг, и я ядрал, опершись о вилы. Когда комбайн вступил снова, приходила в себя, чтобы ты не услышал.

На остановке к нам подошел колесный трактор-бензоаппаратчик. Тракторист, шуполокпый затеряный парнишка, сказал газончником, что бросается в кабину, нажал стартер. Рассерженный Жилин подлетел к трактору, крутнул ручку раз, другой — мотор завелся. Потом вскопал в кабину и, выключив скорость, выпрыгнул. Трактор оидн, без оивеса полукруг и пошел на комбайн.

— Живей, живей поворачивайся! — Парнишка собрался отъезжать и, на беду, завел мотор. Это трактор стоял как раз на пути комбайнов.

— Эй, отъезжай! Слышишь? — закричал на него Жилин. — Отъезжай, растапи!

Перепутанный парнишка то вертел ручку, заставляя мотор, то бросался в кабину, нажал стартер. Рассерженный Жилин подлетел к трактору, крутнул ручку раз, другой — мотор завелся. Потом вскопал в кабину и, выключив скорость, выпрыгнул. Трактор оидн, без оивеса полукруг и пошел на комбайн.

Все так и змелри. Парнишка, бляемый, как медь, — весь загар с моего тично смыло сорвало, а места и, спотыкаясь о кочки, лобезал навстречу трак-

тору. Изловившись, он махнул в кабину, вцепился в руль, и машина, словно раздумав, повернула прочь от комбайна.

Жилин на ходу вынул из рукчи, спешил уже на мостик. Тракторист догнал его, схватил став за рукав лиловой рубашки.

— Стой, Жилин! Слышишь? — Что? — протянул ты, давильше. — Ты что ухватыв? А ну, отпусти!

Отпусти? — говорю? — Машина мне чуть не угробил, сой комбайн едла не разбил — и теперь отпусти? Нет, мы потолкуем с тобой... В голосе у него дрожала слеза.

— Некогда мне толковать. Поидай? Проваливай отсюда!

Жилин толкнул парнишку, но тот устоял, удержался на узкой лесенке. Протвинки, наперное, вцепился бы друг в друга, если бы им не помешал Миша. Он встал между ними и попробовал урезонить Жилина:

— Парень прав, ты выключил адуше.

— Бездельника покрывать зылся! — напустился на него Жилин. — Трактор завести не может, сынок маменикий! Минуту берещешь каждую, спешить, как черт, тут на тебе! Не чини по подолкии обитураторов, Димка, за ними я. Мы тоже вступились за парнишку. Жилин, видно, этого не ожидал. Он яростно обвел нас горящими, как угли, глазами и вился в мени.

А ты пожаловал? Выспался, теперь Жилин отчитывай! Предупреждал тебя: мне соней на комбайн не ходи! Попахали, а работать-то толком не могу! Указывать только лезут...

Он выругался, точно плетью стегнул, — отравил, дзастав, ты!

— Эй, Жилин! Обругаешь еще, помини слово: удем с комбайна. А ты, парень, останься, не слушай его.

Жилин поднял руку, словно предостерегая кого.

— Комбайнер тут я. Я расспражваю, а не вы! Он мне не нужен больше — и basta. Ты, Димка, — повернулся он к штурвальному, — становись на копилею. И довольо молод ты!

Комбайн ушел, и я остался один. Обида душила меня. Чтобы не разревелся, стиснул зубы и ничком бросился на землю.

...

Наутро я разыскал Жилина, чтобы вернуть ему очки. Он сидел за столом и хлебным мякишем старательно вычищал миску.

— Что, не нужны больше? — спросил он, не глядя на протянутые мои очки.

— Нужны не нужны, а отдавать надо.

— Вот копилеюк мне требуется, — проговорил он, не слушая. — Может, ты сырнорчи: кто из ваших пойдет ко мне?

— Я повернулся и зашагал к шалашу.

— Эй, парень, — окликнул он, — а ты смейся! Не сробел вчераше! Обиделся на меня? Прости бы уж... Может, сам пойдешь ко мне?

— И снова степь, снова пшеница, небо, жара, снова комбайн. Оплыв, обливается потом, юном с соломой. Но теперь мне уже легче: я стал точен в деревню, как хорошо налаженный механизм. Дней сто дня, чувствую, становлюсь выносливей, и только жажда одолевает по-прежнему. Впрочем, избавиться от нее не может никто, даже Жилин.

Мы перегнали комбайны на новое поле, слопше разгнотые оврагами. Косить здесь труднее. Когда я отъезжал в овраг, комбайн хитро и норовно ударил по копилею. Раздавался треск, и я, спасая голову, откидывался назад. Волнуясь, подбегая Жилин и смотрел, не поранил ли меня. Копилею пришлось отцепить. Оставшись без работы, я залез на комбайн к Жилину и уселся в нем рядом. Жилин был весел, как никогда. Он даже безреда принимался что-то напевать себе под нос.

— Последнее свое полюшко коню на юге, — проговорил торжественно Жилин. — Уезжаю отсюда.

— Куда?

— В Кустайн, на север. Залез уборка кончается, а там не начивалось еще. Помогать!

Погурям на змелном комбайне, сидем — и айда в путь-дорогу!

С вилками в руках и жаду, когда копилею наполняется соломой. Комбайн часто подпрыгивает на ухабах, и я больно стучаюсь об острые металлические углы. Мне никак не удается стать так, чтобы избежать ударов. Куда приятней стоять у станка, где так удобно и чисто!

Солома густо валит в копилею, и едва успеваю управлять ею. Жилин приказал класть концы правильными рядами, но ряды почему-то никак не получаются. До копен еще далеко, а ящик уже ломится от соломы. Рассиделся се по всему копилею, вилками умиравлюсь поперек, вилками умиравлюсь поперек. Все комбайн передаточные механизмы, тогда... Тогда комбайн остановился. Жилин этого не протит. А до копен еще далеко, и видно, не «дотянуть» до них. Капризный ветер неожиданно поворачивает, и мостки, и вся солома летит на меня. Особенно достается глазам; их не спасают даже защитные очки.

Раздается пронзительный свист, это Жилин, стоя на мостике, свистит и показывает руками: «Сбрасывай! Сбрасывай скорее!» Нажимаю на педаль, и солома вываливается из копилею. До копен «дотянуть» не удалось. Комбайн отъезжает, и вижу: мои копы торчат в поле одна-единственная. Жилин бранит меня: я догадываюсь об этом по его лицу и угрожающим жестам. Между тем солнце поднимается выше, и мои мучения становятся нестерпимыми. Солнце не врет голову, нет, оно давит на нее тяжким свинцовым грузом. Жилин приказал к спине, лицо покрылось пылью — только подблескивает белками глаза. Эти глаза успевают видеть все; и на каком уровне хелер подрезает пшеницу; и как наполняется бункер, и как идет солома, и как маюся я, горемычный, на своем копилею.

— Стой! Стой! — кричит он взгуд.

Тракторист не слышит, и Жилин свистит. Агрегат останавливается, и, ругаясь, Жилин подбегает ко второму комбайну.

— Куда вы смотрите? — набрасывается он на штурвального. — Где у вас глаза? Не видите, что ли: боит выхал! Я уж по шуму слышу, неадало, а им хоть бы что! Сидят себе.

Штурваловые ссыпают и иштут в колочей стержне боат.

— Не спрашивают с вас, что вы ломочки чинили? — бунтует Жилин. — Об одном прощусь: сидите да слушайте, смотрите! Чуть что не пойдет сразу: «Жилин, сломалось!» Сам набду, сам все исправлю!

«Как этот человек по какому-то несью...» шуму определяет в комбайне малейшую поломку? — удивляюсь я. — Как он так быстро находит ее? Пожалуй, только мой отец мог так же свободно отыскивать неполадки в станках... Мастер, настоящий мастер своего дела! Лювий, умей!»

Быстро смеркалось. Загнали фары, и наши комбайны навоинили теперь драконов из ледовой скалки.

— А ты, парень, откуда сам будешь? — вдруг спросил Жилин.

— Услышал, что я из небольшого городка под Тулой, радостно удивился:

— Ду ну-у? Так мит, выхлудит, землянка с тобою! Что ж ты молчал? Сам-то я из-под Курска. Это ведь почти радом.

— А ты как на целину попал, Жилин? — Да об этом и не расскажешь сразу. Где я только не бывал, где не ездил! Повозить пришлось малость. В самом узком конше войны пошел на фронт, таким вот вроде тебя назаном зеленым был. Ну, ну, не обижайся, я ведь шутя говорю...

Жилин дружески хлопнул меня по плечу: — Потом вернулся в деревню, на родину. Работал в колхозе шофером, баранку крутил. Слышу призы: целину осваивать. Дело, думаю, большое и новое, у нас еще им не занимался. А тут так размахнулись, что куда там тебе! Край-то громадный какой полдний ополчился! Поехал я. Эх, и досталось хлещуть нам лиха в первый раз! Теперь что, теперь все налажено, домов белых повостройли на центральной усадьбе. А тогда... Ни деревца, ни кустика, только дощечки: «Червоноармейский совхоз». Но выдвожили. Выдал, понасторжуй сколько! Что, плохо разве? Вот то-то!. Доверили мне комбайн, и словно другим человеком стал, вершил ли? Гордимся человеком. Много профессий перебрал в жизни, а эта много больше пришлось по душе. Ты душою, отчего я иной раз такой веселый, плашу да пою. От радости — вот отчего.

— И ругаться тоже от радости?

— Ну, ругаться, может, больше от чего другого... Поддержка, попорка, штурвал с краснота до темной ночи. Так тебе руки намотает, взвзоешь! А поспытается в машину зерно, глядишь — и своим глазами не веришь: пять тонн выкосил! Ай да Жилин! Сколько сладко ты этим хлебом накормил! Нужники ты на земле человек, Александр Жилин! Прямо-таки необходимый человек. Ну и подымает меня вскопичить да отхватить лихого так, чтобы кабуки враз отлетели. А как отпыхнешь, съедешь за штурвалом — усталый мещадье... О чем задумался-то? — неожиданно спросил Жилин.

Я смутился. Думал я о нем, об этом удивительном человеке. Завтра я не увижу его: он уедет рано, когда мы еще будем спать. Грустно мне расставаться с тобой, Александр Жилин, душа-человек, мой лучший учитель. Спасибо тебе за большую науку. Я многое понял...

...

Шаркая столотанными валенками, далеко отсюда ходит по тесной комнате пожелтой, непоследный человек — мой отец, строгий, сердитый.

— Ах, мать честная! — бурчит он себе под нос. — Нету у тебя рабочей гордости, сынок! Нету!

Успокойся, отец! Твой сын вернется к тебе другим. Теперь я не брошу с досады деталь — пусть она маленькая, невзрачная. Кто скажет, в сердце какой машины станет она незаменимой! Везд явдас все и в руках у Жилина, правда, не такую, но очень похожую. Деталь быстро вносилась, и Жилин ругался, что вот, мол, опять приходится стоять. Мне было очень стыдно.

Отец мой, теперь я на привольной, большой дороге.

Здравствуй, жизнь!

...Ночь наступала. Червильно-густая темень затопила землю и потекла, расплзлась, к небу. Но там словно поджидали ее крупные звезды; они высыпали стайкой, весело подмигивая друг другу. Впрочем, кто знает, кому они подмигивали. Может быть и больше нравилось смотреть на те крохотные огоньки, что дымались в целинной степи, потому что управные люди не хотели успокоиться даже ночью.

Владимир АРСЮХИН

Алма-Атинская область.



Фото А. Узляна.

Однажды в Московский радиоклуб пришел немецкий инженер Вольфганг Рах.

— Здравствуйте. Как мне найти моего старого знакомого? — спросил он и протянул небольшую продолговатую карточку.

На карточке было написано всего несколько букв: «UA-3-FM». Но в плубе не удивился этой надписи, и вскоре инженер встретился с тем, кого искал.

— Я «DM-2-ABB» — отрекомендовался Рах.

— «UA-3-FM». Федоровский Георгий Николаевич. Очень рад видеть вас, господин Рах...

Непосвященному человеку кажется странным: что означают буквы на карточках, с помощью которых люди узнают и находят друг друга? Объясним: это обыкновенные радиопозывные коротковолновых-любителей, их «короткие адреса».

Радиопозывные — это спорт. Сложный, полезный и увлекательный. Как и во всяком спорте, здесь есть дух соревнования, есть рубрики и барьеры, преодоление которых приносит спортивные разряды. Добиваются их десятки юношей и девушек самых различных специальностей.

Врач Георгий Николаевич Федоровский очень любит болных, а по вечерам увлекается радиоплюби-



Тысячи юных коротковолновиков во всех городах Советского Союза слушают Алау Кирдылану, ученицу 10-го класса 39-я московской школы.

С нетерпением ждут ответного сигнала коротковолновники. Ведут приемы операторы М. Мостин, А. Герасимин и начальник коллективной станции Московского радиоклуба Александр Баранов.

тельством. У него хранится около 3 тысяч открыток, подтверждающих, что в эфире были услышаны и приняты его сигналы. Каждый вечер в Московский городской радиоклуб приходят такие же, как Федоровский, страстные любители радио. В одном кабинете тренируются операторы-скоростники, с молниеносной быстротой расшифровывающие «морзянку», в другом что-то мудрят над своей аппаратурой конструкторы...

Вот селось на над будущим приемником братья Лучинины: Александр — служащий, Владимир — токарь-расточник. Ребята собирают магнитофон собственной конструкции — авральный, портативный, с хорошим тембром звука. Двадцатилетняя монтажница Маша Грачева давно уже мечтает пригласить своих подруг и эфирну сконструированного «ютавазвора». Честное слово, он будет даже лучше кулеванного в магазине!

У радиоклуба есть своя коротковолновая станция. Обслуживают ее операторы, освоившие азбуку Морзе и тот международный радиодек, который позволяет москвичу понять жителя далекого Африканского материка.

«Точка — тире... точка — тире...» У аппарата смеются друг друга восьмиклассник Дима Кравченко, речник Виталий Климец, сотрудник радиоклуба Александр



Баранов. Дружеским рукопожатием обмениваются в эфире люди разных стран и убеждений, интересуются, какая погода в Москве и Буэнос-Айресе, узнают старых знакомых.

Прежде чем стать коротковолновником, спортсмен обычно год — другой «ходит» в ультракоротковолновиках. Это, так сказать, подготовительный класс. Конечно,

ультракоротковолновник не может сегодня вечером «козакаться» в Австралию или поприветствовать поляринок в Мирном. Его «сфера деятельности» ограничена территорией Советского Союза. Но кто сказал, что «УКВ» — вещь малопрокательная?

Ежедневно в три часа дня по московскому времени раздается: «Внимание, внимание! Работает

ультракоротковолновая радиостанция «Роман Анна-Три-Кирилл Ципляя». Вызывает всех радиодоброжелателей Советского Союза. Здесь — Москва. «РА-3-ИЦЦ» для всех на привале.

И позывным отвечают Караганда, Фергана, Новгород, Ташкент...

И каждый раз в Москву доносятся: «Поздравите сердечный привет Сергею Макаровичу».

Сергей Макарович Алексеев знает повсюду. Не потому только, что он организатор и начальник радиостанции 59-й московской школы, чьи позывные означаются двумя «целыми», — своеобразного подготовительного класса Московского радиоклуба. Алексеев — заслуженный учитель республики, неутомимый энтузиаст радиодоброжелательства в школе, автор популярной брошюры на эту тему.

Каждую переменку Сергея Макаровича окружают школьники. — Я исправил уже все тройки, — говорит один. — Можно мне в операторы?

Другой обещает: — Я не сделал больше ни одной ошибки в сочинении...

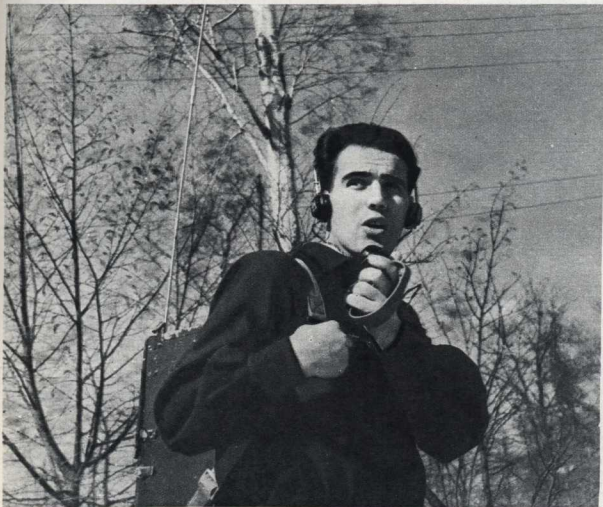
Быть или не быть оператором, решает радиокружок. Отбираются самые прилежные.

Школьникам, правда, не приходится изучать сложный радиодек, им не нужна азбука Морзе: ребята говорят прямо в микрофон. Но зато обязательно нужно усвоить кодекс «равновеликовости». Скажем, если ты услышал в эфире чай-то разговор, помолчи. Вмешиваться или прерывать запрещается...

И каждый из учащихся мечтает поступить в радиоклуб, взяться за ключ «большого» передатчика и начать понятный радиодоброжелателям всех стран разговор: точка... тире...

...Днем и ночью журчит над землей радиоволновая речь. Исчезают расстояния, сблизняются города и страны. Тысячи радиодоброжелателей разных стран ведут между собой задуманный разговор, помогающий лучше узнать друг друга.

А. БОРИН



Для радиоволн нет преград и расстояний. Где-то на другом конце Москвы Анатолия Баранова слушают его друзья.

Анатолий РОГОВ

ЧУЖАЯ

Рассказ

Когда один из моих редакционных товарищей узнал, что я еду в Старославский район, он задумчиво улыбнулся и, почему-то понизив голос, спросил: — Ты никогда там не был? — Нет. — А я был. Давно, правда, а тридцать седьмым. А забыть не могу. Это такместе.

Он умолял, видимо, припоминая что-то. — В общем, плыви это. Край непуганых птиц и мужиков-песочков. Удивительный край, и народ удивительный: каждый, словно глыба...

И, подавая мне руку, добавил: — Приедешь, расскажешь, как там сейчас. — А через пять дней под вечер я сошел на крошечной железнодорожной станции, носившей забавное название — Колышки.

Еще в пути я узнал, что Колышки — единственная станция на весь Старославский район и что поезда дальнего следования здесь не останавливаются, а местные стоят всего две минуты. Других сведений о Колышках у меня не имелось, и поэтому, выйдя из вагона, я с интересом огляделся.

Кругом был лес. Он таился вдоль полотна железной дороги ровной стеной и лишь у переезда отступал, давая место деревянному стационарному строению, прижавшемуся к толстым седым столбам высоchenных елей. Белая аккуратная надпись «Колышки», прикрепленная к карнизу, и медный, с вензелями, кокошек, висящий у двери, казались здесь совершенно лишними и даже смущенными. Верить в то, что это станция, не хотелось.

И когда поезд, отстоя положенное, пополз в черную дыру леса, я с завистью посмотрел ему вслед.

Но он ушел, и на станции сразу стало тихо. Запахло лесом, травой, и впервые за весь день я почувствовал, что солнце греет совсем по-летнему, хотя стояла лишь вторая половина мая.

Я был единственным пассажиром, сошедшим в Колышки, и поэтому сразу привлек внимание дежурного по станциям, удивитель-

но большого сухого старика в поношенном форменном кителе, черных ботинках и красной фуражке. Проводив поезд, он издали бесцеремонно оглядел меня и не спеша подошел. Поздоровавшись, я спросил его, как попасть в районный центр Старова, и объяснил, зачем приехал.

Старик слушал молча. Он стоял, широко расставив ноги, опустил огромные жилистые руки, и слотрял прямо мне в глаза. Я задал ему уже несколько вопросов, а он, не отводя от меня глаз, все еще молчал. И только, когда я, почти смутившись, принялась усердно раскуривать сигарету, неанятно пробормотал:

— Ничне не выдет.
— Почему же?
— Далековато... Семнадцать верст...

Он снова замолчал. Его взгляд нетерпеливо пополз сверху вниз и остановился на моем чемоданичке, стоявшем на земле.

— Видать, придется тут заночевать — наконец выдался он, и мне показалось, что в его карих медвежьих глазах порхнула смешинка.

— Может быть, пешком добраться ближе — спросил я, зачем-то прищипывая в уме, сколько примерно силы в этом мощном, крижистом теле, в огромных узловатых руках.

Отчего же нельзя, можно. Только засуетило дойти надо. А то лес ночью — это не город...

Но я все-таки пошел.

Он был дикой, совсем древний, этот лес. Его лады и чащобы дышали сыростью и переперившим валелизмом, когда деревья-великаны густо заросли мхом. Казалось, даже если не торопится прийти сюда. Редкие бусинки ландыша и золотые широкі одуванчики встречались только на склонах овоаргов, в блаженной прошлогодней траве широких засеков да у дороги. А в синие окошца неба заглядывали, хвастаясь солнцу своим новым нарядом, лишь молодые деревца. Старые деревья еще не оделись листвою, хотя и стряхнули с себя зимнее одеяние. Оно вяло покачливалося и тихо шумели набужившим ветвями.



Рисунок А. Шульца.

Я вспоминал старика, его темный взгляд, угродно пронзенные им слова и думал, что ничего не осталось бы жить здесь, в лесу...

Шел восьмой час вечера. Верхушки деревьев поплыли в тумак заката, а по низинам уже ползла легкая синяя сутемнел. В шепоте деревьев где-то неподалеку послышалась тоскливая скрипка, голоса людей. От неожиданности я вздрогнул, прислушался. Но в лесу снова было тихо, только редком в кустарнике божьявол посвистывала какая-то пичурка. Я подождя еще несколько минут, но так ничего и не услышал. Ни в пады, лежащие передо мной, ни на дороге, забирающейся в гору, никого не было.

Я шагал быстрее и, перейдя низину, поднялся на гору.

По краю горы рос редкий осинник, и меж четкой очерченными мшисто-зелеными стволами отсюда выдвигался далекий лесистый горизонт, на котором лежало солнце. Его свет сочился сквозь деревья, и от этого роза выглядела словно написанной акварелью на оранжевом куске неба. Только крохотные листочки осин делали картину реальной, они мелко дрожали, и чудилось, что вот-вот листва зазвонит...

Пройдя еще несколько шагов, я увидел машину — серый старенький «москвич» с красными красками на стеклах. «Москвич» стоял посреди дороги с открытыми передними дверцами и был пуст. На заднем сиденье валялись большая зеленая сумка, чемоданчик и серое пальто. Из-за зеркалаца у лобового стекла висела маленькая ветка распустившейся черемушки. Поблизости никого не было.

И тут я почувствовал, что устал. Мне захотелось остаток пути проехать на машине. Решил ахнуть хозев, но почему-то раздумал и пошел их искать.

Вскоре я их увидел. Это были парень и девушка. Они стояли в осиннике, метрах в тридцати от дороги, над самым обрывом. Деревья здесь росли рожко, и фигура девушки, одетой в белый халат, четко вырисовывалась на фоне вечернего неба. Халат казался прозрачно-синим, а по краю его бжевала золотая полоска блинка. В золоте были окрашены и кончики ее белокурых коротких волос. Рядом с нею стоял невысокий, широкоплечий и большоголобий парень. Я не видел их лица, не слышал голоса и не хотел нарушать их молчания. Я ждал, когда они заговорят. Но вот парень наклонился, сорвал что-то в траве и показал девушке. Она тихо засмеялась и приблизилась к нему. Они объяснились.

Здесь я был уже лишним и поэтому побрел дальше. Мне стало невозможно стыдно, что я подсмотрел чужое счастье, и в то же время приятно, что меня не заметили. Начало смеркаться. Сиреневые сумерки ползли по лесу, незаметно стирая очертания предметов, наполняя заросли холодной ночной жутикой. Надо было торопиться.

А когда лес кончился и в километре от него, за рекой, затеплились желтые огоньки Старова, мне наконец догнал серий «москвич». Он катился медленно, сидевшие в нем, видимо, не очень спешили...

Прошло полторы недели. Я за это время поездежал по району, познакомился с людьми и думал о них уже не так, как в первый день, хотя они мало чем отличались от старика-невеждадодронки. Мне даже захотелось побыть здесь подольше, но срок командировки истекал.

В последний день я оказался в деревне Антоновка, а тридцати двух километрах от Старова. Деревня была небольшая, всего двадцать семь дворов, разбросанных на отлогом склоне горы.

Вверху, за гуннами, щетились лес, внизу юлила заросшая языком речка, за которой распластались зеленые и черные коряки полей.

Дел у меня в Антоновке было немного. Справившись с ними, я вышел в правление колхоза пообщаться, а задом спросить, не будет ли попутной машины или подвода.

— Есть тут одна машина, — сказал председатель. — Идемте.

Мы вышли из правления. Оно как будто выдвигало избу в ольшаник! — Он указал на дом, стоящий на отшибе, вале одинокой расветистой ветлы. Там жил Федор Морозов живет. У него дочка болеет. Так и ней доктор приехал. На машине. Может, подвезет вас, попросите.

У дома Морозова машины не было. На ступеньках крыльца сидел сам хозяин — крупный, плечистый мужчина лет сорока, с мизинцем, еще заметными спонками на лице. Когда я подошел, он вопросительно посмотрел на меня, подоросав кизюком голову. Я спросил про доктора.

— Доктора тут? — Он поспешно поднялся и, отстранившись, будто хотел пропустить меня в дверь, добавил: — В избе она. Стрелась что-нибудь!

В его голосе послышалось тревога. Я объяснил, зачем мне понадобился доктор, и он сразу кинул обмяк, успокоился.

— Это, наверное, можно. Машина за свой придет. — Он предложил мне присесть здесь же, на ступеньках и, вздохнув, прогоспосил: — Вещь день она Аннушкой, доктор всея, возится. Аннушка-то горит асы, мается. Горло у нее болит.

Он потер густо заросший подбородок. Лицо его поблекло, красноты, набушие веки тяжело опустились. Я предложил ему сигарету. Он взял, осторожно пощипав кремовыми скрюченными пальцами с короткими изуродованными ногтями, но не прикурил, а машинально сунул в карман белой, застиранной гимнастерки.

За дверью послышалось женское голос. Мы поднялись, и Морозов торопливо прошептал:

— Доктора в сеницах. Ступай, спросите у нее.

Я вошел. На ступеньках, ведущих из сеней во двор, стояли две женщины. Трудно было сразу разглядеть их. Я видел только, что одетая в белый халат мой руки, перегнувшись через перила, а невеселая, кругленькая полнует ей из кошачьи. Они апологосно разговаривали, но, увидев меня, смолкли. Потом кругленькая спросила:

— Вам когот?

— Извинишесь, я наложил свою просубу.

— Поможиста? — ответила одетая в халат и, сняв с плеча потоптец, стала вытирать руки. — Только вам придется подосаждать. Я пробуду здесь еще с полчаса, да и машина развезти придется. Я сказала, что подожду, и, уже осомнившись с полуслытой сеней, разглядел доктора. Это была худенькая девушка со смуглым белоглазым лицом.

Вытерев руки, она аккуратно сложила полотенце, сунула его под мышку.

— Идемте, Варвара Сергеевна. Варвара Сергеевна бросила коврик в ведро и, оперев девушку, открыла дверь в избу. Дуду

похлопнул ярким свет, и кончики коротких белокурых волос доктора сделались золотыми. Это была она.

Снова усевшись рядом с Федором Морозовым на ступеньках крыльца, я стал расспрашивать его о докторе.

— Переваляло по полдену. Шураела ветла. У дороги, за поросьюю избушкой, тоскливо мычал теленок, из-за реки приплывали приглушенные женские голоса. Доло хлосом, теплой землей, черемухой, Морозов гудел:

— И откуда слышны у нее буроты? Ведь как харостина сама-то. А вот поди. Прошлой сама-то. Вспомнил, что в брадара целую неделю сидела, прямо из могилы человека выдукала. Бабы теперь только и выдыхут: «Надежда Павловна, Надежда Павловна!». Вспомнил, что в траве развалилась, темно-серая сибирская коуша. Она лежала на спине, и глупые любовные стрижки, пописывая, проносились над ней, давая, как будто, ах, ах! — заманился вдруг на кошку Морозов и, когда та, воровато озираясь, юрнула за дом, проворчал: — Вот холера! Стрижей лопать. Представляется, значит, Доло хлоп, они над ней и выотся. Враз schläpлет. Вчера доктора увидела — пристыдила, зачем, говорит, не гоним. Она ведь и вчера приезжала.

Он вскинул на меня глаза. В их синеве блуждали темные искорки.

— А ведь чужая она, докторша-то. Городская. Год как у нас. Девушка вышла из дома, уже без халата и в сером с красными горшинками платье.

— Федор Ивансвич, вас Варвара Сергеевна зовет. Только, пожалуйста, потише: Аннушка спит. — Брысь, ты, окаянная! — я мы пошел к скамейке, стоявшей в палисаднике, в кустах сирени. Сели, и девушка, подтянув к себе ветку, осторожно поглядывая ладонью маленького блестящие листочки.

— Вы сюда по делу? — Она повернулась ко мне, но глаз не подняла, смотрела куда-то в траву.

А когда я ответил, негромко сказала: — Значит, через пять дней в Москве... Хорсш!

— Завидуете?

— Я! Нет... Маму вспоминаю...

В другом конце дачи заведенный ревяла голос. Я увидел, что идет за бузиной охота жалобно замычал теленок. Девушка сидела, сгорбившись, уронила тонкие руки на колени, и смотрела за ольшаник, на лес. Смотрела как-то странно: ее большие серые глаза словно видели еще что-то, кроме леса, дороги, травы, неба.

Скоро ревяла гомон растаял. Умолк и теленок. Стали слышны тени голоса за рекой. Из протертого окна остро пахнула ржаным хлебом.

А девушка, выпрямившись, с улыбкой сказала:

— Вот и вспомнили... Москва обязательно думать! застави! — Посмотрела на ружье часы, забеспокоилась: — Шестой час, а машины нет.

Потом я спросил у нее, как она попала в эти места.

— Сама приехала. Я на палатки южича — могла выбрать. И, как видите, выбрала! — Кизюку голозой в сторону леса, она продолжала: — Я ведь до этого в деревне ни разу не была.

Скрякнуло, отворившись, окно.

Высунулся Морозов и пригласил девушку себедать.

— Не хочу я, Федор Ивансвич.

— Как так! Господие ведь, Надежда Павловна, целый день без еды!... — Морозов выжидающе по-молчал, прикрыл окошко и через минуту вышел из избы вместе с женой. Теперь приглашала она:

— Ну, хоть молочка-то выпейте...

— Право, не хочу! — Девушка рассмеялась и, сбывая за плечи жену Морозова, пошла с ней в избу. Машина пришла минут через пятнадцать. Это был уже знакомый мне «мэксвич». Знакомым оказался и шофер. Когда он вышел из машины и, повернувшись ко мне спиной, что-то спросил у Морозова, я сплел аспемнил осинник, эту коренастую, крепкую фигуру с наброшенной на плечи ксвиной, эту большую кулатую голову.

Ему было лет двадцать пять. Густыми черными волосами, чуточку горбатым носом он напоминал цыгане. Лишь глаза у него были совсем не цыганские голубые, грустные, даже хмурые. Но они сразу посетели, когда из избы выбежала девушка.

— Не мог раньше. Апенку на пятый часок возил... виновато произнес он, глядя на нее.

— Это тебе, Варвара сунула.

Она раззериула саврок и засмеялась.

— Еда!

В свертке оказались хлеб с маслом и вареные яйца. Девушка разделила все это на трое, и, не зная, как они, в я с удовольствием ел свою порцию.

Теперь разгосор завлазал сам собой, и я узнал, что парень раньше работал в лесхозе, но «мэксвичом» ездил все лето, времена.

— На аттестат сдал. Тяжеловато идет. Вот и сед на «мэксвиче» пока, чтоб сабодного времени побольше было... пояснил он.

— Приблизился вечер, и когда машина шла лесом, в ней становилось полутемно. Девушка прикоснула глазу к даче, и ее больше девушка неотрывно следила за парнем. Да и он все чаще и чаще поглядывал в ее сторону. По лицу девушки скользили тени, и порой казалось, что это мысли пробегают в серых задумчивых глазах...

Раз вечер пошелся я снова увидел старика-железнодорожника, разговаривав с ним, курил его самосад и, помню, лопнул себя на том, что мне поочью-то очень хочется извиниться перед ним. Непременно извиниться...

г. Таллин.





Надир из кинофильма «Поэма о море». В роли председателя колхоза Саваим Зарудного — народный артист РСФСР В. Андреев, его дочери Катерины — З. Кириенко.

РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

Хочется смеяться и плакать от счастья, когда над тобой гудит большое небо и яркое солнце, а вокруг бед концы и края степи. Ты чувствуешь, как все твоё существо переполняется силой, желаешь сделать что-то очень большое, принести людям радость.

В степи, в маленькой деревушке, прошло мое детство, в степи и родилась мечта стать актрисой...

И вот я в Москве. На студенческой сцене Всесоюзного института кинематографии мной сыграны роли Адаоты по роману Г. Николаевой «Жатва», Марьяны по повести Л. Толстого «Казаки» и Катюши Масловой в «Воскресении», Агафьи Тихоновны из «Женитбы» Н. Гоголя и, наконец, роль Коломбы в одноименной пьесе П. Мерме, которая явилась моей дипломной работой.

Учеба в институте под руководством опытных педагогов, профессора С. Герасимова и доцента Т. Макаровой, дала мне очень много для понимания основ сценического искусства. Каждая беседа с преподавателями, каждая лекция открывали перед нами, студентами, новые горизонты. Когда я училась на 3-м курсе,

на мою долю выпало огромное счастье — меня пригласили играть Наталью в ловой кинокартине «Тихий Дон». Помню, когда еще в конюшни и впервые прочитала этот роман, то все свои смятении сразу отдала Наталье. Именно



— Господи! Все душевную мою он вымотал! Мету боле мочи так нити! Господи, нитями его!
Сцена из III серии кинофильма «Тихий Дон». В роли Ильиничны — И. Филиппова, Натальи — З. Кириенко.

Наталье, а не Аксинье и не Дунишке. Меня поражали ее скрытая сила, ум, необычайная чистота и верность любви. Часто я уходила в степь и там вслух, сама себе, ветру и солнцу читала страницы «Тихого Дона»...

И вдруг теперь, спустя несколько лет, мне поручают играть Наталью! Я старалась донести до зрителя образ таким, каким его создал Михаил Шолохов, каким он живет в воображении сотен тысяч читателей. Не обладать образом — вот что было главным для меня!

И снова я в степи, теперь уже на берегу тихого Дона, на хуторе Диченском, где проходили съемки картин. Я старалась думать, говорить, ходить по-казаки. Ночью бродила по степи. Над сияющим куполом вставала луна. Она заводарила когда-то мою Наталью. Вот в такую же ночь в арбе лежали Наталья с Григорием, и он говорил ей страшные слова: «Не любишь ты себя. Ты, как этот месяц, не холодишь, не грешешь».

Готовясь к съемке той или иной сцены, я как бы переживала вместе с героиней. Сама ткань шолоховского романа настолько богата содержанием, что нам, актерам, нужно было только глубоко, до конца проинтуэировать, пережить

каждую сцену. Для меня очень сложной оказалась сцена гроба, когда измученная, оскорбленная Наталья испуганно кричит, обращаясь к богу. Несколько раз принималась я за эту сцену, обдумывала и переживала ее вновь и вновь, уходя далеко в степь, чтобы никто не видел и не слышал моих слез и проклятий. Само главное было заставить себя думать, как думала героиня. Тогда рождались правильные чувства, поступки, движения.

И вот последняя сцена, последняя съемка. ...Кончилась работа над образом. Но как было расставаться с ним! Я все еще продолжаю жить Натальей. Мне хочется допоздна ходить как-то крадучись, каким-то новым находками, однако теперь я только актриса. Но уже предостоят съемки в другом фильме.

В «Поэме о море» (по сценарию А. Довженко) я играю Катюriu, молодую девушку-комсомолку с романтическим характером и трудной судьбой. Для понимания этого образа многое дали мне занятия с Александром Петровичем Довженко.

Меня признавала с ним его жена, Юлия Ипполитовна Солнцева — режиссер этого фильма. Помню, в тот день мы сидели на скамье под ветвями ильиной. Просто и очень серьезно, как с равной, разговорившись со мной этот чуткий художник и режиссер. Он говорил о своей поездке в Новую Каховку, о строительстве, с которыми встретился и которые стали героиней его фильма. Передо мной открылся мир сильных и смелых людей. Начались репетиции и съемки. После смерти Довженко над фильмом продолжает работать Ю. И. Солнцева. Трудно сейчас сказать, каким получится фильм, но весь наш коллектив работает с необыкновенным подъемом. Вот и все мои работы, биография. Только в этом году и закончилась диплом, кончилась институт. Я стою в самом начале пути. И мне очень хочется, чтобы каждая моя следующая роль несла людям радость, познания, радость открытия нового человека.

Зинаида КИРИЕНКО

СТИХИ УДМУРТСКИХ ПОЭТОВ

С. ПЕРЕВОЩИКОВ

Огни Камы

На Каме-реке, вдоль Камы-реки,
В удмуртском счастливом краю,
В волне отразился, горит огнем,
Веселые песни поют:

Страна велика,

И Камы-река

Раскинулась, широка!

В твой дом у реки, в мой дом у реки

И радость и счастье пришли!

И ласковый свет нам шлёт огнем,
Что Камы приносит вдаль.

И, волны подняв, что плынут песком,

Спокоится по реке пародок...

И Камы поток красива и широк,

И светел, как путь твой, народ!

Страна велика,

И Камы-река

Раскинулась, широка!

А солнце уже заходит за лес,
Скрямывая в притененной тени...
Над Камой-рекой, над краем чудес
Все ярче сияют огни!

М. ПОКЧИ-ПЕТРОВ

НОЖ

Однажды смастерил приятель ножи,
Отделал и до блеска наточил.
Увидя, что остер он и хорош,
На покупку ножи подальше положил.

В пыли явился нож, забытый нам,
Ножи ни разу в руки он не взял!
Когда же ножик вдруг стал необходим —
Глядь, в ржавчине!.. Работать ни нельзя!

Понюда молодая мысль остра
И сердцем пылким мир весь познаешь,
Горь в труде, как в пламени ножа,
Не то заржавеешь, как этот нож!

П. ПОЗДЕЕВ

Ржаной хлеб

Семья за ужином сидит,
От супа жар идет густой.
В тарелке, посреди стола,
Разрезан теплый хлеб ржаной.

Чуть пригоревшей корки дух
Уже по всей избе кружит...
Его почувствуй, дверь открыл,
Как ветер с поля слетел ржаной.
На ужин в трудовой семье
И суп густым мы найдем...
Как сладок этот хлеб ржаной,
Отпеченный твоим трудом!

Перевел с удмуртского
П. КОРИНЕЦ





Цветы мака



Ранн



Пчела

Балвант ГАРГИ,
индийский писатель

СОЛНЕЧНОЕ ИСКУССТВО

За последние годы индийский писатель Балвант Гарги побывал во многих странах, в том числе и в Китае, где познакомился с художником Ци Бай-ши. Под впечатлением этой встречи и написана статья «Солнечное искусство». Рисунки, которые мы воспроизводим в «Смене», писатель получил в подарок от великого художника незадолго до его смерти.

«Я не хочу обрабатывать селеную древность», — как-то сказал знаменитый китайский художник Ци Бай-ши. Он прожил на земле, которую так вдохновенно воспева, почти целое столетие. Но его душа не старела, не старело и его вошедшее искусство.

Ци Бай-ши родился в 1861 году в маленькой деревушке, а затем переехал где-то в провинции Хуань. В детстве трудолюбивый мальчик помогал отцу обрабатывать землю, рубить дрова, ухаживать за животными. А в юношеские годы он плотничал, разрисовывал гонимые изделия, занимался граверным делом. Равно научившись рисовать, перегородки, он обнаружил, к своему изумлению, искусство, что кистью совсем легко работать, и пристрастился к живописи. Всякий раз, когда он с увлечением рисовал разных птиц и рыбешек, бабушка говорила ему: «Чем ты только занимаешься? Ведь твоих рыбешек или крабов нельзя жарить и съесть. А нам нужен рис. В доме нет ни крупины».

Став на путь самостоятельной жизни, Ци Бай-ши целиком посвятив себя любимому искусству. Он много путешествовал, зарисовывал чуждые ландшафты Китая — изменности и горы, деревья с изогнутыми ветвями, похожими на высокие пальмы старца. Но наибольшего совершенства его талант достиг в изображении птиц, зверей, цветов. Он удивительно быстро и верно схватывал бесчисленно живые движения рыващихся шалда, прыгающих ббочек, мыршащих лягушек. Какой-то непостижимый инстинкт позволял ему проникать во внутреннюю жизнь изображаемого.

Шероховатость, легкость, упругость и бархатистость стебля розы Ци Бай-ши умел передавать одним штрихом, содержащим бесчисленное множество оттенков. Ци Бай-ши всегда пользовался бумагой, которая быстро впитывает краску. Он до отказа набирал в кисть густую тушь. Маленькая неуверенность — и на листе появлялся бы уродливое пятно! Но его кисть носилась по белому полю бумаге подобно быстроному скакуну. С невероятной легкостью он выводил подлиннообразные, известные линии, едва удлинными глазами черточки, а из них совершенно неожиданно получались изображения головастики. Художник пользовался минимальным количеством штрихов. Но каждый был до предела выразителен. Взгляните на любую

черту. Ветвь дерева и гибка, и узловая, и вместе с тем гладка — и все это достигнуто одним штрихом! Ци Бай-ши пользовался кистью так же искусно, как скрипач-виртуоз смычком.

Оригинальны и интересны рисунки Ци Бай-ши по композиции и контрастности. Он, например,



Лягушка.

изображает маленькую букашку и большой цветок, но они так расположены, что именно большой цветок привлекает наше внимание к маленькой букашке. Вот на шероховатом, высохшем сукке сидит хрупкий кузнечик с мерцающими зелеными крыльшками. А вот на тонких черных стеблях как повисла гроздь огненно-красных вишен...

Рисунки художника чем-то напоминают Пекинскую оперу — в них та же сила, та же выразительность и легкость и очень мало декораций. Как на сцене Пекинской оперы нет ни дворцов, ни храмов, ни гор и рек, так и у Ци Бай-ши нет фона для его прыгающих птиц и прыгающих лягушек. Но нам чудится тихое журчание реки или прозрачная глубина пруда. Его манера письма, такая повзвигая всем, говорит сама за себя и глубоко трогает.

Почитая традиции отечественной живописи, Ци Бай-ши не был их рабом. Он нарушил ряд извечных законов древности и осуждал тех молодых художников, которые стремились слепо копировать природу. Он был настоящим новатором в искусстве. У цвета, изображаемого Ци Бай-ши, листья яркого цвета, и все же мы ощущаем их зелесть. У полугаг жарко-желтая трава, но от этого только ярче выделяется зеленоватый отлив его перьев.

Следуя традициям древних китайских художников, Ци Бай-ши

прдумывал своим рисункам оригинальные названия, воздушные и нежные, как крылья бабочек: «Домашняя, не дикая, утка», «Мои перышки так просты, а люди называют меня просто цыпленком», «Что ты поешь, одинокая пташка?». Ци Бай-ши оставил после себя тысячи непрезоданных творений.

Депутат Всекитайского собрания народных представителей, председатель Союза художников Китая и лауреат Международной премии мира за 1955 год, Ци Бай-ши страстно ненавидел бюрократизм и, хотя не был портретистом, рисовал убийственные карикатуры на чиновников-бюрократов. Японская оккупация Китая в 1937 году вызвала в художнике чувство глубокого негодования, и на верней его думо появлялась заметная желтая надпись: «Чиновокники здесь не продают ни единой картины». Он ненавидел японских чиновников, как, алтроем, и их продажных прислужников, которые с равным удовольствием волю своих хозяев...

В последние годы его здоровье начало сильно сдавать. Артисты, художники, писатели и журналисты стезжалась к нему со всех

Плюющая птичка.

концов света, чтобы хотя бы взглянуть на великого художника. Резко удавалось врачу держаться в постели старухи художника, если он хотел лично встретить гостя у дверей своего дома...

Вряд ли найдется в Пекине дом или гостиница, где не было бы оригинала или репродукции с картин Ци Бай-ши. Благодаря особому способу печатания, поразительному от далеких предков, китайцы умеют поразительно тонко схватывать все оттенки и полутона красок, так что порой трудно отличить репродукцию от оригинала. Не только в музеях и общественных зданиях можно встретить с Ци Бай-ши. Его цветы, птицы, лягушата и букашки смотрят на нас с пресс-папье, сафеток, ваз и даже с оконных стекол. Искусство его дошло до миллионов людей, и он сумел донести вечно живые традиции классической живописи до самых отдаленных городов и селений своей родины, которую так беззаветно любил.

Перевод А. АФОНИНОЙ.



Ци Бай-ши за работой.

В КИШЛАКИ ПРИХОДИТ ПРАВДА

МЫ ЕДЕМ В ДЮШАМБЕ

Стоя декабрь 1924 года. Вот уже несколько дней пробирались мы по Байсускому ущелью. Мы — это партийные и комсомольские работники, хозяйственники, учителя, врачи, ехавшие на работу в только что образовавшуюся Таджикскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. В нашу группу входило пятьдесят человек. С собой мы вели букары и типографские шрифты, медицинские и сверкающие на солнце трубы духового оркестра. Караван сопровождали три звезда красноармейцев.

Неспокойное тогда было время. Разгромленные революцией бан и мусульманское духовенство повели за собой наиболее темные слои населения, создали басмаческие банды. Басмачи, вооруженные английскими винтовками, жестоко расправлялись со всеми, кто поддерживал Советскую власть. На территории бывшего бухарского эмирата являлся кровь дехкан.

Переход длился десять суток. До Дюшамбе (ныне Сталинабад) добрались благополучно. С басмачами встретились только один раз, отделившись легкой перестрелкой.

Была зима, шли бесконечные дожди. На раскисшихся вокруг кишлака зарослей камыша по ночам слышались аой шакалов.

Мы с комсомольцем Пянгасом Абрамовым приспособили под жилье какое-то заброшенное строение из глины и кирпича. Ящики, в которых лежали книги и музыкальные инструменты, пошли на топчан. Вдвоем спать на нем было нельзя: топчан мог рухнуть. Поэтому спали по очереди. Но никто из нас не обращал внимания на жуткие неурядицы.

По заданию Коммунистической партии нам

предстояло создать здесь комсомольскую организацию.

В январе 1925 года на общем собрании комсомольцев Дюшамбе (нас было к тому времени человек двадцать) слушался отчет делегации, приехавшей из Ташкента с I съезда комсомола Узбекистана. Здесь же по предложению оргбюро ЦК комсомола Узбекистана выбрали горком комсомола, которому и поручили организовать комсомольские ячейки. Первым секретарем горкома был Петр Курнов.

Решение приняли, но как осуществлять его, по правде говоря, никто из нас толком не знал. Может быть, сейчас кое-кому это покажется странным, но тогда посоветовались, решили начать с музыки. Раздобыли инструменты — дутары, гуджаки, дойры — и организовали нечто вроде оркестра народных инструментов. Музыканты из нас были не ахти какие, но шумели мы здорово и на шум собирали народ.

Первое импровизированное собрание прошло в только что отстроенной красной чайхане. Она была как бы беговым штабом Советской власти в Дюшамбе. В перерывах между выступлениями музыкантов мы жили с посетителями чайханы беседы. Говорили кто как мог. Помню, вышел я перед дехканами и начал с того, что попросил венки. На лицах молодых ребят удивление, старики невозмутимы. Взял венки, разобрав его по веточкам и стал каждую ветку ломать.

— Вот так, — говорю, — всех нас и сломают враги, если каждый будет поодиночке.

Потом собрал все ветки вместе, связал их.

— А вы, теперь, слышите!
— Такая наглядная агитация пришлась по душе. У нас в народе не любят много говорить. Есть и пословица об этом: «Много слов — тяжело даже верблюду».

После первого собрания несколько молодых таджиков решили вступить в комсомол.

Трудно приходилось нам на первых порах. Помню, накануне какого-то праздника решили мы собрать молодежь в новом, только что отстроенном комсомольском клубе. В качестве «гладшатава» мы использовали ребятишек.

— Эй, собирайся, собирайся, — говорить будут, говорить будут! — кричали они, переходя от кибитки к кибитке.

Но дехкане не шли. Один из явнов приятых комсомольцев объяснил, а чем дело.
— Мулла Инан мунит народ. Пугает: «Если будете дышать одним воздухом с кафирами — неверными, — аллах все припомнит в день страшного суда».

Иногда и сами мы, чего греха таить, по неопытности дали волю на мелянью врага. Прискала однажды к нам в горком комсомола связанной из красноармейского отряда:

— В Кокташе басмачи! Командир просил комсомольцев помочь.

Мы на коней Присккалили вместе с красноармейцами в кишлак, а там ни одного басмача. Встречаются кое-где люди, а басмачи они или не басмачи — попробуй разбери. Решили мы тогда всех проверить. Устроили обшари, и что же обнаружилось? Поприятли басмачи на явновской половине одного из домов.

Выловили мы бандитов, но дорого обошлись нам этот обшар. Сразу же по кишлакам, разрастаясь, как лавина, похвещ слух: кафиры обещали женщинам, ворвались туда, куда ни один постороивший мужику не емес права ступить. Потом ребята из местных рассказывали нам, что немало дехкан ушло к басмачам из-за нашей оплошности. Но что делать, большие дела не обходятся без ошибок.

После этого случая мы поняли, что работать надо более гибко. Мы повели активную борьбу за ликвидацию неграмотности, в первую очередь среди комсомольцев и молодых дехкан, устраивали громкие чинты газет, журналов, организовали при красной чайхане стол справок, где дехканы могли получить ответы на волнующие их вопросы.

ПЕРВЫЙ ПРИЕМ В КОМСОМОЛ

В 1925 году Наркомпрос республики с помощью партийных и комсомольских работников организовал первую школу-интернат. Здесь воспитывались дети бедняков и сироты. В школе-интернате была создана комсомольская ячейка. Секретарем ее избрали меня.

ИХ ИМЕНА — В НАШЕМ СЕРДЦЕ

Помню, как проходило первое собрание, на котором принимали в комсомол. Рассказал я, что такое комсомол и что требуется в нынешних условиях от комсомольца. Вступающему задавали всего три вопроса: из какой семьи происходишь, чем занимаешься сейчас родные, хочешь ли вступить в комсомол.

Новым комсомольцам выдавались билеты: большие книжечки, текст в которых с одной стороны был написан по-русски, с другой — арским алфавитом по-таджикски.

Комсомольские собрания тогда у нас проходили большей частью открытые. Однажды мы проводили собрание в красной чайхане. Выбрали специально базарный день. Собралось много народу. Вдур подхвачивый верхом декламировал на шее ослиного из комсомольцев веревку и поволок его по базару. Мы бросались на помощь товарищу и спасли его. Оказалось, что декламировал был его отцом.

— Кафир! — остервенло кричал он сыну. — Кто кафир? — поставил перед тем же вопросом — Той сын, который хочет все знать, который хочет, чтобы все таджики были свободными и богатыми, или мулла Иман? Чей хлеб есть музда? Чей хлопок продает? Откуда винтовки берет, кто деньги ему присылает? — Мы ответили ему и на эти вопросы — за фактами не надо было далеко ходить, комсомольцы сталкивались с ними ежедневно.

По базарным дням комсомольцы устраивали в городе торжественные шествия с флагами. Работы школы и предприятия стрем проходили мимо деклан — здоровые, жизнерадостные.

— Советская власть заботится о наших детях! — говорили друг другу бедняки.

К 1926 году в Южном Таджикистане уже были созданы Дашоатинский горком комсомола, Гиссарский уездком, Кузонский уездком, районные комитеты. Комсомольская организация была создана и на Памире. В республике работало 66 ячеек — 14 городских в 51 кишлачная. В комсомоле к этому моменту состояло 200 человек.

В ту пору первоочередными задачами таджикского комсомола по-прежнему были выдвигание и подготовка актива, ликвидация неграмотности.

Одной из форм нашей комсомольской работы являлись концерты художественной самодеятельности. Обычно мы давали бесплатные входы в платные представления, когда требовались деньги для нужд клубной работы, а также в помощь МОПРУ, Осоавнахиму.

Героями были наши комсомолки. В то время, когда почти в каждом кишлаке завладевали бан, басмачи и их приспешники, девушки слзили по районам и вели агитацию за расширение женщины.

— Ой, Рафи, как трудно с вашими девушками! — говорил мне не раз комсомолец Нила Олбывикова. — Забитые, ну просто ужас! Я zou их в самодеятельности участвовать, а они молчат и отворачиваются.

Да, это было так. На первых порах у нас в самодеятельности роли девушек исполняли ребята.

Незабыта тогда тем, ком нужно было в данный момент. Художником так художником, агентом гоостраха так агентом! Мы выполняли сразу по несколько обязанностей, и никто не роптал.

Позже, в период коллективизации, мы решили собрать деньги на организацию комсомольского колхоза. У меня и сейчас сохранилось газетное объявление:

«Ко всем членам комсомола. Ко всей трудящейся молодежи Таджикистана»

Строим молодежный колхоз имени 10-летия КИМ.

В ознаменование юбилея КИМ комсомольская организация строит молодежный колхоз в Ходженте. Этот колхоз должен явиться лучшим школом в деле укрепления Союза как оплота международной революции».

А потом в газете же появились заявления: «Вношу на строительство колхоза 10 рублей и вызываю гг. Джанбаева и Зувачова. Пазомов».

«По вызову Муратова вношу на строительство молодежного колхоза 10 рублей и вызываю гг. Хабруж, Бабад и Немковского. Бахметьев».

Гарм — центр Каратегина, края диких гор, мрачных ущелий, бурных рек и снежных перевалов. Каратегин был тогда оплотом басмачества. Здесь весной 1929 года произошли трагические события.

К этому времени по всей Средней Азии давно уже отпалали костры, на которых жгли паравидку, но не все еще были сожжены дивные средневековые перчатки. Нередко еще остервенные фанатики забрасывали женщину камнями только за то, что кончик ее туфли выглянул из-под паравидки.

В Гарме были организованы женские педагогические курсы. Три девушки, о которых я уже рассказывал, закончили эти курсы и пришли учительствовать в родной кишлак Хайт.

В это время по Гармскому округу проносилась весть: в Каратегине снова появились басмаческие банды Фузайла-Максума. В апреле басмачи захватили Хайт и начали распространяться с активистами, грабить государственное и кооперативное имущество. Фузайла-Максум решил устроить публичную казнь трех учительниц-комсомолок: Сайрам-биби, Муслим-биби и Алам-биби.

Казнь была назначена на среду, но никто из жителей не пришел на нее. На следующий день бандиты насильно согнали деклан к месту расправы, площадь окружили басмачи.

Девушки стояли против гавара. Казнь не начиналась потому, что бандиты искали еще одну учительницу — Файиз-Нисо Шоназара. Искали напрасно, потому что девушка, увидев, что ее подружки взяты басмачами, успела прыгнуть в реку. Воды Оби-кабута стремительно несли ее вниз по течению. Выбраться удалось лишь десятку километров ниже.

Между тем басмачи, увидев, что поиски тщетны, начали черное дело. Девушек догнал Потом подтолкнули к икселению.

Комсомолки вели себя героически. Они бесстрашными руками сами валили на себя петли.

— Мы умерем, но оставаемся свободными.

— Мы хотим запомнить своих палачей, — презрительно посмотрела на басмачей Сайрам-биби, высокая, стройная девушка.

О том, как все это произошло, нам рассказали односельчане погибших комсомолок. Позже узнал я и подробности гибели вошедших в историю молодых бойцов отряда Гутовского.

Расправившись с комсомольцами, Фузайла-Максум пошел на Гарм. А в это время из Гарма настрелу ему вышел отряд красноармейцев под командованием Гутовского. Он состоял из 18 человек, в большинстве молодых ребят, комсомольцев.

Отряд выслал разведку в Верхний Немеч. Приезжал разведчик в кишлак и вылез: мечеть тщательно убрана, постелены ковры.

— Кто здесь? — обратились они к местному ахуле.

— Вас ждем, дорогие гости. Разведчики спешили и ввели коней во дворик мечети. Здесь на них со всех сторон навалились басмачи. Бандиты хотели бесчестно взять наших разведчиков, но им это не удалось. Два бойца вырвались и, вскочив на коней, поспежали к отряду. Гутовский дал команду отойти и занять оборону.

Близ Гарма, у небольшого мазара, произошед бой отряда с басмачами. Два с половиной часа отражала горстка красноармейцев нападение банды в 350 человек. Только одному бойцу удалось спастись и сообщить в Гарм о гибели отряда. Это был Шариф Азия. Все бойцы отряда пали смертью храбрых. Зверски издевались бандиты над телами героев.

Через несколько дней мы пришли к мазару и похоронили товарищей в братской могиле. Немало таких могил в Таджикистане...

Сейчас, когда я вспоминаю это героическое время, меня охватывает гордость и радостное чувство. Я уверен, что мои товарищи чувствуют же само. В сегодняшних достижениях Таджикской республики есть частичка и нашего труда. Мы гордимся тем, что нам повезлось участвовать в создании Коммунистического союза молодежи Таджикистана, что мы честно, сколько хватало знаний и сил, отдавали себя борьбе за дело Ленина, за Советскую власть.

Рафи АМАНОВ



Рисунок В. Трубионца.



Рисунки В. Орлова.

Фернандо МАЧЧИОККИ

ТРИ НОВЕЛЛЫ

ТОЛЬКО ЗА ГИТАРОЙ...

Станция оставалась все такой же, только теперь, когда на клубках распустились цветы, она казалась более веселой.

Начальник станции не узнал меня, хотя столько раз мы играли с ним в карты в длинные дни, заполненные одним ожиданием. Потом я вспомнил, что в то время у меня была борода и я был одет, как все горцы.

Я поднял воротник пальто и, взглянув на свои туфли с тонкой подошвой, улыбнулся: конечно же, Сантино не мог узнать меня!

Единственный в селении трактор находился на площади, в нескольких сотнях метров от станции. Площадь была погружена в темноту, но то была лишь темнота позднего часа, а не осадного положения с глухими взрывами гранат и стучом немецких кованых ботинок.

Даже Ферруччо, хозяин трактора, не узнал меня. Он отвел мне хорошую комнату, ту, что предназначалась для туристов, для лю-

бителей прогулок в горах. Я чуть не рассмеялся.

В ту ночь мне никак не удавалось заснуть: пришла зима и вновь вставало передо мной.

В этих горах в партизанки, потому, уже почти под конец горы заменили мне, и я вынужден был провести три месяца в постели с ногою, закованной в гипс. Меня приютил у себя школьный учитель, один из наших. Добрую половину дня я проводил, сидя в кресле. Когда не было никого из друзей, чтобы составить партию в шахматы, а дочка учителя, долговязая со мной одиночество, была занята, я играл на гитаре. Мои гитары!

«Гитара—это слишком громоздко для того, кто хочет быть партизаном,— сказал мне в первый же вечер «Рамбейо, но я настоял, и дело кончилось тем, что он разрешил мне оставить ее при себе.—Когда будешь грустно, сыграешь что-нибудь».

Моя гитары!.. Я приехал только за гитарой,— продолжал я поворачивая самому себе. Когда я должен был удрать отсюда, у меня не было времени подумать о ней.

«Я вернулся,— сказала я в ту ночь дочери учителя,—вернусь, чтобы забрать тебя и гитару». Но потом... Потом в городе у меня было столько дел, и сверх всех дел занятия в университете, и девушка, с которой я был помолвлен прежде и которую, как мне казалось, я по-настоящему любил. Так сюда я больше и не вернулся.

«Только за гитарой!»—повторяла я и наконец заснул.

Пронеслось поздно. Быстро оделся и спустился вниз, позвонил. Голода я не чувствовал, мне лишь хотелось выгнать немного времени. «А за гитарой!»—решил я,—сложу попозже».

Новеллы написаны молодой итальянской писательницей Фернандой Маччиокки специально для «Сенны».



хорошего места в городе, чтобы остаться здесь, со мной. А ты ведь знаешь, как бы я хотелос жить в городе!

— Да, я знаю,—сказал я, не отводя глаз от пламени, трещающего в камине,—она действительно славная девушка.—И вспомнилось мне, как обнимал Аниту в вечер моего отъезда, и обещал вернуться, чтобы забрать ее и увезти вместе с отцом в город.

«Я буду ждать тебя вечно,— сказала она.— Даже если пройдет сто лет!»

«Все это слова, какие обычно говорят в двадцать лет»,— подумал я. Кто знает, сколько парней с тех пор влюблялось в нее, и кто знает, помнит ли она еще обо мне! Как бы ты ни было, мне все это не должно интересовало: я приехал только из-за гитары...

Когда Анита вошла в комнату, она застала нас за шахматной доской, совсем как в старые времена.

Одно лишь мгновение она смотрела на меня. В это мгновение в комнате стало так тихо, что слышно было, как тикают часы. Потом Анита подошла к нам, оказалась в моих объятиях.

— Андреа!.. Андреа, ты вернулся!

Светлые волосы спускались на ее плечи. Как три года тому назад: эта привычка всегда делала ее похожей на девочку. Ярко-голубые глаза, нежные-нежные, смотрели на меня с любовью, с такой любовью!

— Как крепче прижал ее к себе.

— Видишь, я вернулся!— прошептал я, прижав лицо в ее шелковистых волосах.

* * *

— Помнишь, Андреа, ты гитару, что ты так любил!— сказал старик моего поезда.— Ее забрал гитаровец. Анита сделала все, что было в ее силах, чтобы не отдать ему гитару. Она знала, чем эта гитара была для тебя. Но он снял с плеча автомат... Ох, ну и какое же это было время! Когда вспоминаю о нем, даже мой, мороз по коже подирает...

— Ну и ладно, это не имеет значения: у меня есть другая гитара,— сказал я. И я так же обнял Аниту за плечи...

«ВСЕ, ЧТО У МЕНЯ ЕСТЬ»

Девушка с тяжелым чемоданом вошла в здание вокзала. Лицо ее было бледно.

— Простите!— сказала какой-то солдат, намеренно толкнув ее.

— Ничего,— ответила она.

— Помочь вам?— спросил солдат.

— Нет, спасибо.— И она прошла дальше, склонив голову.

«Должно быть, немного тронутая»,— подумал солдат про себя.— Однако недурная!»

Проживая ее взглядом, он увидел, что девушка остановилась, прислонившись к стене, и закрыла лицо руками, как будто плакала.

«Бедняга, у нее, наверное, что-нибудь стволосил!»— И, мгновение поколебавшись, солдат пошел дальше.

Девушка вновь подхватила чемодан, и исполненная решимости, быстро зашагала. Она обогнала солдата. Увидев его, он не поверил своим глазам.

— Ох, эти женщины!— произнес он с улыбкой.

В полвечерном участке, куда зашла девушка с тяжелым чемоданом, бригадир карабинеров сказал:

— Комиссар сейчас придет.

Присядьте и подождите, когда вас вызовут. Вы сказали, ваше имя—

Анна Эспозито, и я так же!

— Да,— вежливо ответила девушка.

Комиссар предложил ей сесть. Присядьте и подождите, когда вас вызовут. Вы сказали, ваше имя— Анна Эспозито, и я так же!

— Да,— вежливо ответила девушка.

Комиссар предложил ей сесть. Присядьте и подождите, когда вас вызовут. Вы сказали, ваше имя— Анна Эспозито, и я так же!

тебя брать, потому что я слишком худая и зимой часто болею бронхитом.

Комиссар слегка кашлянул. Он подумал, что девушка, со всей этой историей ее жизни, может опять у него яму арменин.

— И? — продолжила девушка. — Приехала в город...

— Я понял, — прервал комиссар. — Ну, а теперь переходите к сук.

...С синьорой я познакомилась еще в деревне, — уже более торопливо продолжала Анна Эсposito. — Летом она приехала туда на дачу. Синьора уже в летах, а ее муж еще молодой. Очень молодой! — Она покраснела.

Рассказ девушки начинал пробуждать некоторый интерес у комиссара. Он заметно оживился.

— После того, как я покинула некоторую время у хозяйки, синьор начал ухаживать за мной. Но я догадалась об этом, только когда сообщила, что у меня есть жених, один меканик. И в смысле денег, с того дня синьора стал запрещать мне выходить из дому и бывать у юности. И это под тем предлогом, что я еще очень молодая. Но это был именно предлог, синьор, ведь мне уже двадцать пять лет. Тогда я подумала, что единственный выход для меня — это тотчас же найти другое место. Вчера утром я вышла одна и ввечер того же дня сообщила об этом моей хозяйке.

Девушка прервала рассказ и вытерла выступивший на лбу пот.

— Просту вас, — сказал комиссар, — продолжайте.

— Этой ночью, — продолжила она еле слышно, — синьор вошел в мою комнату. Я защищалась, был шум... — Она угорно смотрела на свои руки. — Синьора проснувшись, Она позвала мужа, когда тот сказал ей, что это я предложила ему... будто я позвала его к себе в комнату. «Помини свой золотой браслет!» — сказала синьор жене. — Я надела его у нее под подушкой... Помини, ты думала, что потеряла его в деревне? Кто же другой мог это сделать, если не эта ворона!..» Понимаете, синьор комиссар, ворона — это значит я!

Девушка принялась плякать.

— Понимаю, понимаю... Но если вы хотите возбудить судебное дело, то на чем вы будете основываться, синьорина?

— Сейчас я вам объясню, — сказала девушка, вытирая слезы. — Незадолго перед тем, как я покинула их дом, синьора пригрозила, что завтра утром поидет к моему жену и скажет ему, что я воронка, что я и мужей вору!.. Я уверена, что эта синьора так и сделает... А вдруг Сандро поверит ей!.. — Она решила наконец поднять глаза. — Так вот, тот браслет, в краже которого меня обвинили, муж синьорины сам продал в деревне, и я даже знаю, кому, потому что я это видела! Я не решилась бы прийти сюда, если бы речь не шла о моей чести: это все, что у меня есть, синьор комиссар!

— Скажите мне, как зовут синьору и где она проживает?

Девушка неуверенно взглянула на листок бумаги, на котором комиссар взял листок и вышел.

Вернувшись, он сказал:

— Можете идти спокойно. Я только что говорил с синьорой.

(Продолжение на стр. 22).

Скоро, ритиво *тр*

Я, ва, ша честь, та я ю жеть, лудильщик я и медник хо.

тр *«сильно»*

жу пешком из до ма в дом. На мне прожжен передник. Я был в войсках. С ружьем в руках стоил на кара у... ле. Те...

тр *«сильно»*

перь опять и ду пзять, чи, нить, лезть настряли! Ко, му чинить настряли? Ко, му пзять настряли? Вот

тр *«сильно»*

а тот хлящ душо, ю ния, ткой пржеюй себе седник. Любовь моя, бе, ри в мурья то го, на ком пе, редник, лю.

р *«сильно»* *«poco»* *«a poco ritenuto»*

а tempo

любовь моя, лудильщик я и круглый год в дороге. Авовс, авдом мы проиннем без горя и тревоги. Я был в войсках. С ружьем в руках стоил на карауле.

тр

Чинить, пзять настряли! Кому чинить настряли? Кому пзять настряли?

тр

я, на кара у... ле. Телерь олеть иду пзять, чинить, лезть настряли. Кому чинить настряли? Кому пзять настряли?

ПЕСНЯ ЛУДИЛЬЩИКА

Слова Р. БЕРНСА
Перевод С. МАРШАКА
Музыка А. ЛЕБЕДИНКО

Я, ваша честь,
Паво мезть,
Лудильщик я и медник.
Хожу ружьем
Из дома в дом,
На мне прожжен передник.

Я был в войсках,
С ружьем в руках
Стоил на карауле.
Телерь опять
Иду пзять,
Чинить, пзять настряли!

Вот этот хлящ
Душою нить,
Твой пренкий собеседник.
Любовь моя,
Вари в мурья
Того, на ком передник.

Любовь моя,
Лудильщик я
И круглый год в дороге.
Авовс, авдом
Мы проиннем
Без горя и тревоги!



Рисунок Г. Васильева.



Она ничего не скажет вашему женушке. Однако, если вы хотите возбудить дело, это—ваше полное право.

— Нет, нет, что вы! Меня заболит только одно, чтобы Сандро знал, что я честная девушка. Теперь я поеду.— Она поднялась.— Простите, что заставила вас потерпеть столько времени.— Она по-

краснела.— Вы славный человек, сеньор комиссар. И она бесшумно вышла, согнувшись под тяжестью чемодана.

— Пускайте следующего,— сказал комиссар бригадирю.

Он еще улыбался: первый раз за все время, что он занимался этим проклятым ремеслом, ему сказали, что он славный человек.

НЕСОСТОЯВШАЯ ВСТРЕЧА

Человек медленно шел по улице. Он был без шляпы и держал руки в карманах. Перед магазином радиоприемников человек остановился, потом зашелга дальше. Было очень холодно. Он попробовал спрятать голову в поднятый воротник пальто, но от этого не стало теплее.

«Зайду одна поест»,— подумал он и направился к ресторану. Официант принес дымящийся суп. Суп был вкусный; человек почувствовал, как тепло разлилось по телу, и ему стало тепло. Он посмотрел на часы, висевшие на противоположной стене. «У меня есть час времени— достаточно, чтобы спокойно поест».

— Здесь можно сесть!— спросил женский голос.

— Пожалуйста.— Он даже не посмотрел на нее. Женщины давно уже перестали интересоваться его: все те, с которыми он был близок, не принесли ему ничего, кроме зла.

«В моем распоряжении целый час»,— вновь принялся размышлять о нем.— Один час для того, чтобы решить, честный ли я человек. На его лице появилась горькая улыбка: «Один час, а потом...» Потом вместе с другим человеком, которых он почти не знает, ему предстоит стать соучастником ограбления...

Он прошел войну, стрелял и в другом. В его памяти четким и ледяным оставалось воспоминание о крови на совсем зеленом лугу. «Нет, убивать— никогда!» Он убрал руки со стола.

«Я слышом мрачно настроен!— выругал он себя.— Конечно, все придется удачно, и завтра я буду богатым, хотя уже больше и не честным. Но много ли, в конце

концов, найдется таких, которых могли бы упрятнуть меня сегодня в бесчестия!»

— Можно взять солонку?— спросила девушка.

— Пожалуйста.— Протягивая солонку, он на этот раз не смог не взглянуть на нее.

У девушки были зеленые глаза и светлые, аккуратно причесанные волосы. В ее лице сохранилось что-то неуловимо детское, и от его больше всего поразило, но ее лицо совсем не было косметикой.

Девушка улыбнулась: — Холодный вечер сегодня! — Как вы сказали?— спросил он.

— Я сказала, что сегодня холодный вечер,— повторила она и покраснела.

«Канья я дура!— подумала она, опуская глаза.— Если решилась, нельзя показывать робости. Робкие женщины не нравятся мужчинам. Марина вечно мне твердила об этом. Марина!.. Имя старшей сестры оставшееся в деревне, пробудило в ней чувство тоски. О, если бы Марина могла увидеть ее, доведенную до этого!.. Она урядочно взглянула на мужчину. «Он или другой— все равно! У этого хотя бы вид порядочного человека. Внезапная мысль пришла ей в голову: «А что, если он окажется бедняком? Нет, это невозможно: он хорошо одет, и потом у него хорошие руки. Конечно, он залатан за ужим, потом, завтра, я попрошу у него денег на комнату, потом... Она проглотила подступавшие слезы, «я еще расстриваюсь! Сидевшая в а, с ним далее! Что толку оставаться честной? Разве только то, что умрешь с голоду».

Она решительно подняла голову и сказала:

— Я нездешняя. В наших местах даже в самые суровые зимы не бывает так холодно. Здесь мне порою трудно работать».

Он посмотрел на ее руки: они были тонкими и белыми.

«Как вы работаете?— спросил он самого себя.— Кажется, она славная девушка. Но почему она старается завязать разговор? Чего она хочет от меня?»

— Я тоже нездешняя,— ответила она— но холод меня не пугает.

— Я почти никого не знаю,— продолжала она.— Иногда проходят целые дни, когда мне не с кем перекинуться словечком.

«Как вы работаете?— спрашивал он себя, все больше заинтриговываясь девушкой.— Однако у меня хватит благоразумия, чтобы не спросить ее об этом».

— Вы живете здесь, поближе к пристани?— вновь заговорила девушка, комкая в руках салфетку.

— Да.— Он пристально посмотрел ей в глаза.— Я живу за площадью Монте, в мезбуровой комнате, маленькой, но без отопления.

Если она одна из тех, лучше пусть поймет сразу, что сейчас у него нет ни гроша.

Она подумала, что у этого человека открытые глаза,— девушка, ищущая приключений, конечно, не могла интересоваться его.

«Может, я могу не нравиться? Может, мне нужно побольше улыбаться или взять его за руку? Вместо этого она сказала:

— Я тоже живу в мезбуровой комнате. Это на чердаке. И хотя вид, который можно наблюдать оттуда, великолепен, стены вечно покрыты сыростью.

— Чем вы работаете?— вдруг спросил он и тут же устыдился, что выдал собственное любопытство.

До встречи оставалось еще двенадцать минут.

— Я рисую,— сказала девушка.— О, вы художник!— Он был приятно удивлен.

— Ну, это как сказать. Мои друзья убеждены, что я художник, но здесь, в городе, еще не кто из них не знает, даже и мои друзья. Иногда я думаю, что ошиблась и что лучше мне вернуться в деревню. А кончатся всегда тем, что я остаюсь, замедляю еще одну бездельную работу анархелью Коллизе на цветы».

Она сказала все это не переводя дыхания и тут же стала упрямить себе: «Зачем в нагосривстой? Что ему до моих дел?»

На лице мужчины заиграла улыбка.

— Не огорчайтесь, синьорина, мучайтесь, крепитеесь, изю все силы. В жизни победит тот, кто борется. Вся жизнь— это борьба!

Часы начали бить. До встречи оставалось только пять минут. «Если я не приду, они подумают, что я выхожу из дома, а ведь до того, что они подумают? Он провел рукой по лбу».

— Вы плохо себя чувствуете?— спросила девушка.

Теперь стрелки часов показывали пять минут одиннадцатого.

— Спасибо, мне хорошо.— Он откинулся на спинку стула и, как бы продолжая прерванную на середине речь, заговорил: «И мне тоже тяжело найти работу. Я не сумел получить диплома. Немного из-за войны, немного из-за собственной пассивности, а больше всего из-за инертности. Я хотел стать инженером-электриком, а закончил только школу маэстро, даже поехать за границу. Но все это осталось только мечтой».

— Почему вы не попытаетесь еще?— спросила она.

— Потому что нельзя одновременно работать и учиться.

— Но столько людей делают так, стоит только захотеть.

— Может быть, я и не хочу... Это открытие ошеломило его.

— А все то, что вы мне сказали перед этим? Мучайтесь, боритесь, надеяться!— спросила она.

— Так получается всегда. Эти вещи легче говорить другим, чем самому себе.

— Тогда я попробую вам сказать.

— Но вы уже кое-что сказали мне,— перебил он ее.— Я взглянул на часы: теперь те должны были уже понять, что они не могут больше на него рассчитывать.

Она посмотрела на него с удивлением: — Не понимаю! — Как-нибудь, когда вам может быть, лучше будет знать друг друга, я вам объясню...

Кроме я, в ресторане никого не осталось. Подошел официант: — Вам два счета? — Да,— быстро сказала она,— да.

Потом они вышли вместе. Холод улицы пронизал их. Она вздрогнула.

— Можно проводить вас?— спросил он.

— Да, спасибо.— Она позволила ему взять себя под руку.

Перевод с итальянского И. ЛЕВИН.



Среди Зеленых ветвей

фото и текст Петра Носова.

Кто из вас не бывал в лесу, кто не заслушивался пением его пернатых обитателей, наполняющих зеленые чащи чудесной музыкой! Особенно оживленно в лесу, когда начинают выводить птенцы.

Бродя с фотоаппаратом по лесу, мне удалось сделать несколько снимков птичьей детворы. Эти птенцы милы и забавны. Беспомощные сейчас, они в скором времени, покинув родное гнездо, станут зоркими хранителями своего зеленого дома...



Весной на верхушках деревьев очень хорошо видны черные шапки хвороста. Это вороньи гнезда. Летом, когда выведутся птенцы, гнезда скрыты за зеленой ветвей. Поэтому увидеть воронят очень трудно. И все же мне удалось при помощи телеобъектива сфотографировать вороненка, сидящего на верхушке дерева.



В этом нахолившемся птенце очень трудно признать собою — одну из красивейших птиц наших лесов. Сойска, подобно сороке, нарядный раз, как тонко заметит поблизости каиндо-либо личинка, начнет неистово стрекотать, наполняя лес тревожным шумом. И все обитатели зеленых чащ знают: приближается опасность...



В совином гнезде было три птенца. Сфотографировать их на дереве не удалось. Тогда я переложил птенцов в мосовый платок и опустил на землю. Птенцы оказались очень злыми. Стояло поднести к ним руку, как они начинали угрожающе щелкать клювом.



Это птенец длиннохвостой сороки. Усевшись на сук, он деловито оглядывается и ждет, когда родители принесут ему очередную порцию пищи.



В гнезде черноголовой славки вывелись два птенца. Едва успева появляться на свет, они уже настойчиво просят пищи.



Пока взрослые заняты поисками пищи, чибисята тихо сидят в своем гнезде у болотца. Их оперение так гармонично сочетается с окружающей растительностью, что можно пройти рядом с гнездом, не заметив птенцов.

Большую «находчивость» проявил полевой конек: он выбрал для своего гнездышка ямку — след от лошадиного копыта.



МАСТЕРА ХРУСТАЛЯ



Во все концы нашей Родины и во многие зарубежные страны вывозятся из города Гусь-Хрустальный оловяное и автомобильное стекло, хрусталь, технически-сое зеркала.

Более двухсот лет существует завод. Из поколения в поколение передается мастерство прославившихся

умельцев. Сотни юношей и девушек, овладев мастерством своих делов и отцов, сохранили незыблемую по красоте и изяществу хрустальные изделия.

...Их выработка. Золотистым светом мерцают десятки раскрасленных шариков — заготовки будущих чаш и графинов. Они то ярко вспыхивают,

плают, излучая радужное сияние, то туснеют и гаснут. Неблизко заискриваются багряными и лопящими движением спондулов. У угольной печи трудится молодой мастер Анатолий Вадков. Он выдувает большие хрустальные вазы. Нескольку работ Анатолия экспонируется на Всемирной выставке в Брюсселе.

Особительная отдела посуды производится в цехе художественной обработки. Когда водичка в это помещение, выпавшее невпрямичным для уха современника, то сразу обращает внимание на конвекторы алмазной обработки посуды. Одну из этих конвективных линий обслуживает бригада молодого алмазачика Геннадия Тихонова. Бригада обрабатывает различные изделия из синтетического хрустала.

Накандую вещь наша бригада становится делать из нового луче, — говорит Геннадий. Особенно хорошо работает алмазница Зина Исюлева. Людмила Кухарова, Галина Котова. Все мы несем трудовую вахту в честь 40-летия ВЛКСМ.

Коллектив завода изготовил для Всемирной выставки в Брюсселе более двадцати экспонатов: ушальные вазы из хрустала и цингового стекла, декоративные сервизы, кубки из розового и золотистого рубина, дежурные вазы для цветов и фруктов.

В этом году мастера хрустала из города Гусь-Хрустальный примут участие в десяти международных выставках и выступят более сорока раз в ознаменование 850-летия города Владимира.

В. АБАНИН

Владимирская область.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ОРКЕСТР

Минувшей осенью в стенах Львовского государственного университета имени Ивана Франко появились объявления: «Формируется симфонический оркестр. Все желающие должны прийти в клуб и записаться». Кое-кто из студентов, прочитав объявления, с недоумением пожимал плечами: симфонический оркестр! Да разве это возможно? Где найдется столько музыкантов... Но ситуация изменилась, да не испугали трудности. На всех факультетах и курсах велась подготовительная работа. Любителей вальса было более пятидесяти человек. Некоторые из них имели семилетнее музыкальное образование.

Спор оркестр приступил к репетициям. Директором был избран Игорь Лядинич, студент второго курса Львовской консерватории имени Лисенко. Терпеливо, настойчиво трудился музыканты. И вот через полтора месяца симфонический оркестр дал первую концертную программу где были введены к опере «Бармак и Ваня», Топина, Мусоргского, интермедью из оперы «Павана», опера из «Сказаний оера» Чайковского, «Исния Сольвейг» Грига, вальс Сибелюса и другие произведения произведений. Концерт состоялся в зале. Репетитор оркестр получил право на существование.

В. КАЛИНИЧЕНКО,
студент факультета журналистики
Львовского университета.



Не так давно над американским континентом промчался сильный ураган, вызвавший во многих районах США наводнения и небывалые в это время года снегопады. Советский журналист Владимир Пархатов, который находился в те дни в Нью-Йорке в Лос-Анжелесе, сфотографировал в одну из улиц города после бурного ливня, дивящегося более двух часов. Вода затопила наводне улицы, размывла шоссе и железные дороги. Сотни автомашин, застигнутых ураганом, подожгли стояли в воде с заглохшими моторами. Ураган причинил городу огромный ущерб.

КРОССВОРД

Составил А. Михерев.

1	2	3	4	5	6	7
		8				
9			10			
13	14	11		12		
			17		18	16
19			20			
			21			
			22			
23	24	25		26	27	28
		29				
30		32		31		
33				34		

По горизонтали:

1. Помещение для команды на юрбале. 5. Известный певец, мужественный борец за мир. 8. Государство на родной демократии на Балканском полуострове. 9. Город во Франции. 10. Один из основоположников русской клинической медицины. 11. Член сельскохозяйственной артели. 13. Прессовый аппарат Междупартийной демократической федерации женщин. 15. Искусственное волнолоно. 17. Столица союзной республики. 19. Город на Среднем Урале. 20. Здание, где помещались штаб Октябрьского восстания в Петрограде. 22. Род пальм. 23. Французский патриот, маршал, активный участник движения в защиту мира. 24. Цветок. 28. Возмущение победившим государством угнетенности в своей государству — победителю. 30. Работник искусства. 31. Индустрия, применяющая ристоритель в производственных целях. 32. Часть из которых прицельных приборов в артиллерии и в

стрельном деле. 33. Герой войны А. Твардовского. 34. Способ охоты.

По вертикали:

1. Один из руководящих партийных движения на Украине в годы Великой Отечественной войны. 2. Тысяч. 3. Порт на юге Китая. 4. Мелкий музыкальный инструмент. 5. Лесная птица. 6. Часть круга. 7. Норвежский авантюрист, исследователь Аргентины. 11. Сельскохозяйственная специальность. 12. Область в Испании. 14. Сигнал, подаваемый речными судами при встрече. 16. Часть произведения. 17. Опера-балет Н. А. Римского-Корсакова. 18. Рыба семейства лососевых. 21. Русский поэт. 23. Австрийский композитор XVIII века. 24. Ручное устройство учебного заведения. 25. Пальца. 26. Герой войны Бомалье. 27. Подвесная арматура с несложными механизмами. 28. Нам на которых прицельных приборов в артиллерии и в

АМПЛИТУДА ВЛЮБИВОСТИ

Рисунки польского художника
Ц. Нервинского.



Первая страница обложки: Путь открыт. Евгений Москаев исследует контроллер, и авиаторы отправляется в учебный рейс. Скоро машинист-комсомолец Москаев поведет тяжелые поезда по новому, аэрофицированному участку железной дороги. Фото М. Муравова.

Четвертая страница обложки: В Санах. Фото В. Гиппенрейтера.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление В. Урина.

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Янгского поля. 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д 3-34-24. Отделы — рабочей молодежи, литературы и искусства — Д 3-31-68, студенческой молодежи — Д 3-35-24, оверра и публицистики, факультета журналистики — Д 3-34-22.

А 08529. Подписано и печатно 19/VI 1958 г. Тираж 365 000 экз. Изд. № 669. Заказ № 1370. Формат бумаги 70x108/16. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24

Редакция: Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жук, И. Зонов, М. Лукин, А. Ремезов.

Технический редактор Е. Чужистова.

Рукописи не возвращаются.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ОЛЕГА КУДРЯШОВА

к «ИСТОРИИ ОДНОГО
ГОРОДА»
М. Е. САЛТЫКОВА-
ЩЕДРИНА



«— Хлеб идет! — вскрикнули глуповцы, внезапно переходя от ярости к радости.
— Ту-ру! ту-ру! — явственно ридалось из внутренностей пыльного облака...»



На 4-ю выставку молодых художников Москвы и Московской области представлены меткие и яркие иллюстрации Олега Кудряшова к «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Олегу Кудряшову 26 лет; он впервые принимает участие в выставке.
Сейчас молодой художник работает над иллюстрациями к произведениям А. Толстого и О. Генри.



Фералонтов Фотий Петрович, бригадир.
«...столь был охот до зрелищ, что никому без себя сечь не доверял.»



Грустилов Эраст Андреевич, статский советник.
«...хотя любил прикидываться благочестивым, но, в сущности, был злейший шолопожонник.»



Урюм-Бурчеев.
«Кругом — пейзаж, изображающий пустыню, посреди которой стоит острог; сверху, вместо неба, нависла серая солдатская шинель...»

Цена номера
2 руб.

